

Своя

апрель 2016

журнал
Никиты Михалкова

ДВА ВЕКА В ДЫМКЕ

История глиняной
игрушки: по ком
свистели хлыновцы

ФОТО: ПАВЕЛ СМЕРТИН/ТАСС

Досифей и Досифея

Прославленный киевский
затворник был женщиной

Возвращение в Арзрум

Как Россия громила
турок в Первую мировую

Царскосельский Киплинг

Звезда и смерть
Николая Гумилева

***В**незнании своем русский сам охотно сознается и без ложного стыда готов учиться у немца. Но ему противен тот чужой дух, в котором это просвещение к нему вводится, ему оскорбительно то иностранное клеймо, которое с него не снимается и вытесняет всякую русскую особенность... Русский образованный класс рассуждает иначе: он лучше хочет быть глупым ничтожеством, чем быть похожим на русского.*

Иван Киреевский (1806–1856)

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

апрель 2016

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Казус «Грибоедова»	28–31	Званный гость
Космонавт Жан-Лу Кретьен:
«Я Герой Советского Союза
и горжусь этим»
3–6	Символ веры
Досифей и Досифея	32–34	Родное слово
Царскосельский Киплинг
7–11	Культурная эволюция
Истории тайный советник
За что разведчики чтят Татищева	35–37	Великие реалисты
Любовь, край родной и весна
Утро года на полотнах классиков
12–15	Философ о философе
Эра любомудрия
Иван Киреевский: национальная
культура — место встречи с Создателем	38–39	История одной песни
А город подумал: ученья идут...
Русским пилотам сотни немцев
обязаны жизнью
16–19	Русский гений
Система Склифосовского	40–42	Страна мастеров
Два века в дымке
20–23	Наука побеждать
Возвращение в Арзрум	43–47	На семи холмах
В гостях у Тропинина
Стиль и уют музея в Замоскворечье
24–27	Арсенал
Небо — его обитель
О талантливом самоучке,
пионере авиапрома	48	Трапезная
Творог от слова «творить»

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

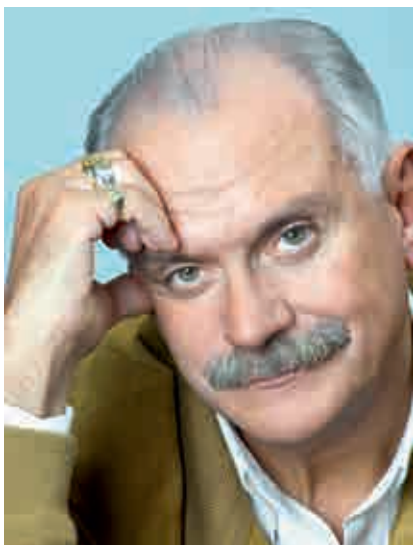
«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 16 марта 2016 г.

Казус «Грибоедова»

В относительно стабильные для государства и общества годы пропагандисты либерального толка любят будоражить коллективное сознание пугающим: «Если вы не интересуетесь политикой, то политика заинтересуется вами». Сегодня подобные фразы практически не звучат. После майдана на Украине, воссоединения Крыма с Россией, попытки — уже очевидно бесплодной — задушить нашу страну всевозможными санкциями, резкого падения цен в сфере энергоресурсов объяснять россиянам, что представляет собой большая политика, совершенно излишне. Каждый из нас, продолжая жить собственной жизнью, все острее ощущает себя частью глобального мира. Стремительно меняющегося и весьма беспокойного.

Картину про Александра Грибоедова я задумывал снимать еще в 1980-е годы — на территории Нагорного Карабаха. Но тут начались всем известные «геополитические процессы», которые не только заставили свернуть работу над фильмом, но и во многом определили незавидную судьбу нашей Родины, СССР. Вернувшись к замыслу сравнительно недавно, я подобрал подходящие для съемок площадки в Турции, и — снова дала о себе знать большая политика. Справедливое вмешательство России в сирийскую войну привело к конфликту, грубо спровоцированному турецкой стороной. Нам опять пришлось искать натуру, которая бы наилучшим образом соответствовала сценарию «Грибоедова».

Однако эти совпадения поражают меньше, нежели политические параллели, бросающиеся в глаза при сопоставлении двух совершенно разных, разделенных веками эпох.

Глава русской дипмиссии в Тегеране Александр Грибоедов был расстрелян в начале 1829 года не в результате стихийного шабаша исламских фанатиков, как нас уверяли историографы. Еще тридцать лет назад мы, в процессе работы над сценарием, поняли, что эта гибель — не случайность, а спланированное убийство. Обнаружили документы, подтверждающие, что министр иностранных дел граф Нессельроде был резидентом английской разведки. К расправе над Грибоедовым привел подготовленный англичанами заговор. Они стремились втянуть Россию в еще одну тяжелую войну (помимо уже шедшей в то время русско-турецкой), максимально ослабить и выдавить ее из ключевого, стратегически важного региона.

За последние два века способы разжигания глобальных войн и «революционных восстаний» у наших геополитических противников не изменились: все те же провокации, подстрекательства агрессивных толп, ставка на хорошо подготовленную прозападную агентуру.

В том, что начать съемки «Грибоедова» мне не удалось ни в Карабахе много лет назад, ни в Турции в конце минувшего года, я увидел для себя некий знак. А может, этот фильм надо снимать именно там, где в реальности разворачивались кульминационные, самые трагические события? Благо российско-иранские отношения ныне как будто совсем неплохи...

A handwritten signature in black ink, likely belonging to the author of the article.

Досифей и Досифея

1 апреля многие представительницы лучшей половины рода человеческого с популярным именем Дарья отмечают именины. В святцах значатся и другие дни, которые теоретически могли бы им подойти — 14 марта, 4 апреля, 17 и 18 августа. Однако связаны они либо с памятью новомучениц российских, канонизированных сравнительно недавно, либо с праведницами, о которых сведения слишком скудны. А это, в свою очередь, затрудняет полноценное празднование Дня ангела: к примеру, невозможно приобрести подходящий образок, осенить себя крестным знамением перед «именной» иконой. Поэтому в День памяти Дарьи (Дарии) Римской и ее супруга Хрисанфа православные тезки этой святой мученицы предпочитают считаться именинницами.

Символ веры

Преподобная Досифея,
Киевская затворница

Мария Зимина

В НАШЕ время, казалось бы, это не самый подходящий для именин день. Хотя бы потому, что на него накладывается иная, прямо противоположная по смыслу и духу «традиция»: кто такая Дарья Римская, знают далеко не все, а вот что собой представляет День дурака, известно практически каждому. Хорошо, что еще «Дарью-грязную» при этом не поминают (когда-то в нашем народном календаре так именовалась дата, связанная с весенней распутицей).

Вряд ли вспомнит кто-то и о другой Дарье... Той, которой в русской агиографии отведено не просто особое, а совершенно уникаль-

ное место. Но обо всем по порядку.

В 1776 году Прохор Мошнин, будущий Серафим Саровский, совершил паломничество в Киево-Печерскую лавру, определившее всю его дальнейшую судьбу. Автор подробного жития великого старца митрополит Серафим Чичагов по этому поводу писал: «В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Доси-

фей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое».

Некоторые сведения о прозорливце, сыгравшем едва ли не решающую роль в духовном становлении святого Серафима Саровского, до недавнего времени считались предметом дискуссий. Первоначальное житие Досифея Китаевского (Киевского), составленное, как полагают исследователи, в конце XVIII века, сообщало о нем следующее. Он происходил из «великороссийских крестьян», бежал в Киев от своего помещика, стремясь принять постриг. Но его как беглого раба не брали в послушники ни в один монастырь. Тогда отверженный вырыл для себя маленькую пещеру близ Китаевской пустыни и начал вести жизнь боголюбивого аскета-отшельника. Через какое-то время к нему потянулись страждущие, и слава о пещернике довольно быстро распространилась повсюду. В 1744 году Киев посетила императрица Елизавета Петровна, которая, повстречавшись с Досифеем, распорядилась не препятствовать желанию затворника постричь его в монахи. Что и было незамедлительно выполнено.

То, что посвящению беглого отшельника в иноки споспешествовала сама русская царица, никто по большому счету и прежде не отрицал. А вот споры (впрочем, такие, в которых искали скорее не истину, а некие дополнительные подтверждения и обоснования оной) вокруг социального происхождения и... пола знаменитого праведника продолжались вплоть до конца XX века. Сегодня под ними можно подвести черту.

Преподобный Досифей Киевский, инок Печерский и Китаев-

ский был причислен к лику святых УПЦ Московского патриархата еще в 1994 году. А 3 февраля 2016 года Архиерейский Собор Русской православной церкви принял определение об общецерковном прославлении ряда местночтимых святых, и в этом документе к таковым относится уже (цитата) «преподобная Досифея (Тяпкина), Киевская затворница (†1776, память 25 сентября / 8 октября)».

В обоих случаях речь идет об одном и том же человеке. Преподобный Досифей был женщиной!

И в церковных кругах об этом давным-давно знают. Почему раньше наше духовенство не расставляло тут все точки над «i»? Возможно, считало это преждевременным, слишком экстраординарным для осознания и принятия «широкой общественностью», боялось дурных, извращенных интерпретаций. И нельзя сказать, что подобные опасения, если они имели место, были беспочвенны. Уже через пять дней (!) после общецерковного прославления Досифеи завсегдатаи «Эха Москвы»

нарочито весело пачкали ее имя и образ. Расстарался в этом плане один известный на рубеже веков журналист. Когда-то он позиционировал себя как патриота России, сейчас с поразительным усердием изощряется в русофобии и нападках на православие. Пачкун придумал (наверняка не экспромтом) мерзейшие «анекдоты» про святую и, «пользуясь случаем», радостно поделился ими с радиослушателями. Зачем он это сделал? Едва ли двигало им бескорыстное желание огоршить, эпатировать публику. Похоже, просто методично выполняет условия известного свойства ангажемента.

Как бы там ни было, теперь уже можно обходиться без прежних «гипотетических» экивоков, а говорить и писать прямо: Серафима Саровского (и не только его) на великие духовные подвиги благословила под видом старца праведная киевская затворница, когда-то, до своего пострига, носившая фамилию Тяпкина. Этот факт, если вдуматься, таит в себе чрезвычайно богатые возможности для творческого осмысления. И художественного воплощения. Конечно же, не в водевильном стиле замечательной «Гусарской баллады». И не в духе западной кинодрамы «Иоанна — женщина на папском престоле». К нашей теме следовало бы подойти в высшей степени деликатно, предельно бережно.

По рождении ей дали имя Дарья. «Окруженное роскошью и довольством, дитя понемногу росло и обещало быть в будущем украшением семьи. Казалось, все земные блага собирались вокруг хорошенького дитяти, чтобы предоставить, с течением времени, всевозможные утехи и радости жизни, но... судьба решила иначе» (Житие преподобной Досифеи, затворницы Киевской).

Здесь напрашивается мысль о предначертанности подобного рода вещей и событий, божест-

Икона. «Серафим Саровский с житием»

венной предопределенности. Наверняка родители девочки — дворяне (а не крепостные крестьяне, как в истории с «беглым рабом» Досифеем) из Рязани — назвали ребенка в честь древнеримской мученицы. Последнюю и ее мужа Хрисанфа, живших в III веке, еще единая в ту пору церковь причислила к лику святых как за твердость в вере Христовой, так и за непорочность. Они, как сказано в житиях, «проводили свое супружество в девстве», все помыслы связывали с делом обращения в христианство язычников-римлян. И оба приняли мученический венец, будучи погребенными вместе заживо.

Вольно или невольно, девица Дарья Тяпкина во многом последовала примеру своего ангела. Она тоже посвятила жизнь исключительно Богу.

В шестнадцать лет бежала из родительского дома, поскольку родители собирались выдать ее замуж. Скрывалась от них сначала в Троице-Сергиевой лавре, а затем

и в киевских пещерах. Именно она, повторимся, наказала Прохору Мошнину идти спасаться в Саров, где, став со временем старцем Серафимом, тот еще при жизни снискал всероссийскую славу, прослыл несравненным праведником и чудотворцем. Больше того — фактически основал неподалеку женский Серафимо-Дивеевский монастырь и, постоянно называя себя перед братией, насельницами и прихожанами не иначе как девственником, призывал создать отдельную общину, состоящую из дев: «Батюшка намерен был поставить в новой обители и новые порядки, более посильные для послушниц и спасительные для духовной жизни... И о. Серафим ясно сам указал на эту причину: «Вино новое вливаю в мехи новые». Наконец, ему хотелось собрать под свое руководство девственниц. «Как я сам, батюшка, — говорил он Мотовилову, — девственник, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были только одни

девушки» (Митр. Вениамин (Федченков).

Можно ли вывести какую-то мораль из всего вышеизложенного? Если она тут и есть, то очень абстрактная, самая общая. Никто, разумеется, не станет в здравом уме и твердой памяти призывать равняться во всем на Дарью Римскую или Дашу Тяпкину, ставшую впоследствии преподобной Досифеей. Их образы как символы благочестия и непорочности — абсолютная (ключевое слово) антитеза греховности, моральной нечистоплотности. Обычным, нормальным людям здесь лучше всего подошла бы золотая середина.

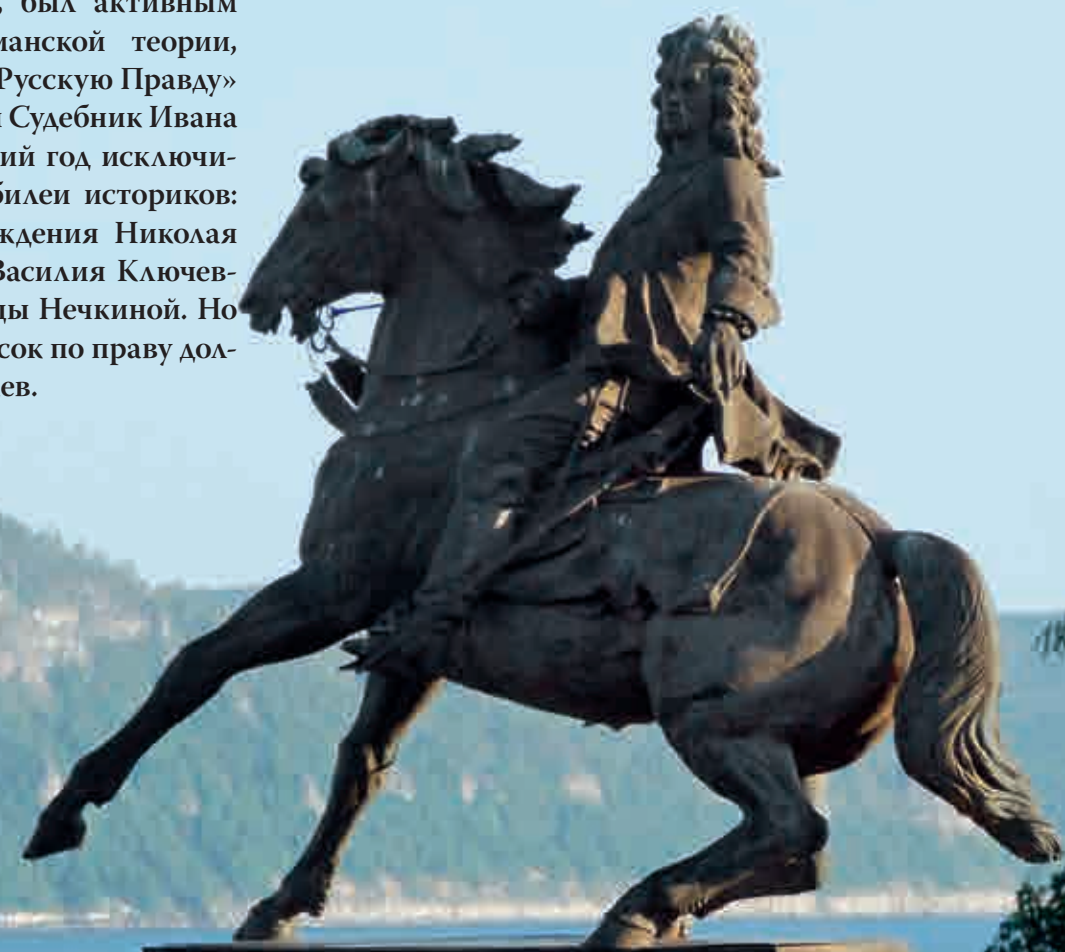
Перед нами в этой истории идеальные иллюстрации древней, всем известной максимы св. апостола Павла: «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» Нет особой нужды в том, чтобы искать «объективные причины», по которым с нашими святыми совершались порой невероятные метаморфозы, пытаться рационально осмыслить их поступки и действия.

Китаева пустынь Киево-Печерской лавры

Истории тайный советник

«Птенец гнезда Петрова», он стал автором первой монументальной русской истории, яростно боролся с ее фальсификаторами, был активным противником норманской теории, открыл для науки «Русскую Правду» Ярослава Мудрого и Судебник Ивана Грозного... Нынешний год исключительно богат на юбилеи историков: 250 лет со дня рождения Николая Карамзина, 175 — Василия Ключевского, 115 — Милицы Нечкиной. Но открывать этот список по праву должен Василий Татищев.

Памятник В. Татищеву — основателю Тольятти.
Скульптор А. Рукавишников

Культурная эволюция

Александр Курганов

Ратные подвиги и особые поручения

Талантливый администратор и дипломат, историк и географ, экономист и горный инженер появился на свет 330 лет назад, 29 апреля 1686 года.

Службу начинал в кремлевских покоях: царица Прасковья Федоровна, жена Ивана V, брата и соправителя Петра, приходилась Василию Никитичу родственницей. Однако вскоре он без сожаления сменил придворный кафтан стольника на солдатский мундир, записавшись в драгунский полк. Боевое крещение получил в августе 1704-го при взятии Нарвы. Затем отличился в Полтавском сражении. «Счастлив для меня был тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за Отечество», — вспоминал позднее Татищев.

Его расторопность и усердие оценил генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс, который был одним из руководителей русской разведки. Выполняя тайные задания Брюса, Татищев с 1712 года неоднократно посещал Европу, бывал «для некоторых секретных дел» в Берлине, Дрездене и Бреславле, изучал артиллерийское дело, инженерное искусство. Основательно выучил немецкий и польский языки (все же знал десять языков, в том числе латынь и древнегреческий).

В ноябре 1723 года Петр I направил его в Швецию — осмотреть заводы и рудники, «вникнуть в дела тамошней Академии наук и библиотеки». Но было и секретное поручение: «уведомлять о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях одного государства». А еще Татищев должен был выяснить возможность поддержки голштинского герцога Карла-Фридриха, жениха Анны Петровны, в его претензиях на шведский престол. Василий Никитич провел в Швеции два года весьма плодотворно: ему удалось раздобыть документацию на технические новинки, секретные карты и лоции.

И отнюдь не случайно уже в конце XX века его именем был назван корабль Балтийского флота, предназначенный для радиоперехвата и сбора развединформации. Сегодня «Василий Татищев» в составе группировки ВМФ России у берегов Сирии отслеживает ситуацию в Восточном Средиземноморье...

ФОТО: КИРИЛЛ ЧАПЛИНСКИЙ/ТАСС

Долой олигархов, да здравствует монархия

В 1730 году от оспы умирает 14-летний Петр II. Верховный тайный совет, состоящий в большинстве своем из представителей двух старинных и родовитых фамилий — князей Долгоруковых и Голицыных, предлагает корону Анне, дочери Ивана V. Новая государыня должна была стать императрицей

лишь номинально: ей предложили подписать «кондиции», согласно которым она отказывалась от самодержавной власти в пользу феодальной олигархии. Анне запрещалось без разрешения верховников объявлять войну или заключать мир, командовать армией, распоряжаться казной, производить в «знатные чины», жаловать вотчины.

Приверженец просвещенного абсолютизма, Василий Татищев возглавил дворянскую оппозицию верховникам. Составил записку, в которой доказывал, что в огромной стране, со всех сторон окруженной врагами, невозможны ни демократия, ни аристократическая форма правления: «самовластное правительство у нас всех полезнее, а протчие опасны».

Он считал, что на Руси от Рюрика до князя Мстислава Великого (сына Владимира Мономаха) существовало «совершенное единовластительство», вследствие чего «государство наше всюду распространилось», соседи «союза русского прилежно искали», а народ «учением весьма просвещен был». Следующий период, по мнению Татищева, характеризовался господством «аристократии», то есть удельных князей, и их «несогласиями». В результате Русь оказалась под монголо-татарским игом. Лишь Иван III «паки монархию возставил и, усилевся, не токмо власть татарскую низвергнул, но многие земли у них и Литвы, ово сам, ово сын его, возвратил. И так государство прежнюю свою честь и безопасность приобрело...».

Неизвестно, сработали его исторические доводы или иные, более приземленные аргументы, но российское шляхетство поддержало самодержавие. Анна Иоанновна публично разорвала «кондиции». Татищева отметили — он стал обер-церемониймейстером двора, получил звание действительного статского советника и несколько деревень с тысячью душ.

Господи, какая Благодать!

В 1734-м его назначают на Урал — «для размножения заводов». Это вторая для него командировка за Каменный пояс. Первая предприятия в 1720–1722 годах по приказу Петра I. В XVII веке Россия закупала железо и медь в Швеции. В XVIII веке эта страна стала нашим главным геополитическим противником. Победа была невозможна без ускоренной индустриализации.

Главный начальник горных заводов Урала с поставленной задачей справился. При его непосредственном участии были обнаружены богатейшие месторождения, самым значительным стало открытие в 1735-м горы Благодать, почти целиком состоящей из магнитного железняка. (Наименование придумал сам Татищев, переведя с древнееврейского имя императрицы. Кстати, название «Уральские горы» тоже принадлежит Василию Никитичу.)

При нем число железоделательных заводов на Урале возросло до 40. По данным историка Николая Павленко, если в 1729-м на казен-

ных предприятиях было выплавлено 252,8 тысячи пудов чугуна и железа, то в 1740 году — 415,7 тыс., на 64,4% больше.

Строились города: Екатеринбург — нынешний Екатеринбург, Пермь, Челябинск. Потом появятся основанные им Оренбург, Ставрополь-на-Волге — современный Тольятти...

В одном Татищев не преуспел: он попытался «русифицировать» отрасль, чтобы рабочие не теряли времени на разгадывание непонятных им немецких названий строений, горных чинов и инструментов. Придумал русские эквиваленты иностранным терминам, предложил писать «горное начальство» вместо «берг-амт», «заводской управитель» вместо «гитен-форвалтер». Однако когда представил в Петербург «Табель горных чинов», одобрения правительства не получил. В дело вмешался всесильный фаворит императрицы курляндец Бирон, заявивший: «Татищев — главный враг немцев».

Патриоты и прихвизаторы

Умный, образованный, деятельный, он ненавидел бездарных иностранцев, занявших ключевые посты при дворе Анны Иоанновны.

Ключевский писал, что «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении». Десятилетнее правление Бирона стало временем бессовестного грабежа государства. Мало кто знает, что с его именем связан первый опыт «прихвизации». Фаворит императрицы добивался передачи уральских казенных заводов в частные руки. Новыми владельцами российской металлургии должны были оказаться ставленники Бирона во главе с саксонским бароном фон Шембергом, возглавившим горное ведомство. Самые прибыльные заводы

планировалось выделить в «личное и пожизненное владение» саксонца буквально за копейки, причем без всяких аукционов.

Татищев решительно выступал против «разгосударствления», доказывая, что казенные предприятия приносят государству прибыль (одни только горнообогатительные заводы должны были давать казне ежегодно почти 50 тысяч рублей дохода, тогда как новые владельцы обещали менее 10 тысяч).

Его решили удалить с Урала: произвели в тайные советники и поставили во главе Оренбургской экспедиции — усмирять восставших башкир.

Когда очередной переворот в Петербурге закончился воцарением Елизаветы Петровны, Татищев недолгое время был астраханским губернатором. Затем последовали отставка и предписание: «жить в своих деревнях до указа, а в Петербург не ездить».

Он отправляется в подмосковную усадьбу Болдино фактически под арест (к нему был приставлен караул), там проводит последние пять лет жизни, работая над «Историей Российской с древнейших времен».

Л. КАРАВАК «ПОРТРЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ», 1730

И. ГЛАЗУНОВ ЧАСТЬ ТРИПТИХА «ВНУКИ ГОСТОМЫСЛА», 1986

«Клеветы бесстыдные горечь наносят»

Еще в 1719 году Петр I специальным объявлением в Сенате определил Татищева к «землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ланд картами». Приступив к делу, Василий Никитич понял, что «нельзя написать географию России без знания ее истории». «Надлежало вначале знать об имени, какого оно языка, что значит и от какой причины произошло, — объяснял ученый. — К тому ж надлежит знать, какой народ в том пределе издревле обитал, как далеко границы в какое время распространились, кто владельцы были, когда и каким случаем к России приобщено. Для этого требовалась обстоятельная русская древняя история...».

Во время пребывания в чужих краях Татищев встречал в библиотеках и архивах немало сочинений «до русской истории относящихся», в которых находил много «недоразумений». И даже откровенной клеветы.

С фальсификациями он будет бороться всю жизнь. Уже на закате своих дней писал президенту Академии наук графу Кириллу Разумовскому: «Ноне я, получа из Немецкой земли новоизданные книги исторические, в которых много касается России... читая с великою досадою, великие неточности нахожу, а паче клеветы бесстыдные горечь наносят».

В предисловии к «Истории Российской» утверждал: «Более всего нужна сия история не только нам, но и всему ученому миру, что чрез нее неприятелей наших, как польских, так и других, басни и откровенная ложь, к поношению наших предков вымышленные, будут обличены и опровергнуты».

Труд охватывал период с древнейших времен до 1577 года. «Разыскания мои к сочинению полной и ясной древней истории понуждали меня выискивать всюду полнейшие манускрипты для списания или прочтения», — писал Татищев. Он изучал архивы и книжные собрания монастырей. Бесценным источником сведений по древней истории славян стала Иоакимовская летопись, припи-

В. ВАСНЕЦОВ. «ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ», 1909

«История князя Щербатова и скучна, и тяжеловата, голова его не была способна к этой работе. История Татищева совсем другое дело: это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело».

Екатерина II

«Татищев жил совершенным философом и имел особенный образ мыслей»

Александр Пушкин. «О Татищеве»

«Артиллерист, горный инженер и видный администратор, он всю почти жизнь стоял в потоке самых настоятельных нужд, живых текущих интересов времени — и этот практический делец стал историографом, русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени; не плодом досужей любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека».

Василий Ключевский

сылаемая первому новгородскому епископу Иоакиму Корсунянину, крестившему Новгород при князе Владимире Святом. Прочитав летопись, исследователь заявил, что «несомненно, прежде Нестора и задолго до него писатели были». Более того, «о князях русских старобитных монахов Нестор плохо знал, какие дела свершали славяне в Новгороде».

Авторы норманской теории, немецкие профессора, заправлявшие в Академии наук, считали основателями Русской державы скандинавов. «История...» Татищева доказывала, что к моменту появления Рюрика Русь уже насчитывала много веков своей собственной, славянской государственности. Один из князей, Буригой, «имея тяжкую войну с варягами, неоднократно побеждал их», но затем «побежден был», скандинавы захватили ряд славянских городов и «дань тяжелую возложили на славян, русь и чюдь». Отплатить за поражение Буригой сумел его сын Гостомысл — «варягов каких избил, каких изгнали, и дань варягам отказались платить, и, пойдя на

них, победили». Рюрик был призван на княжение в Новгород не случайно — он приходился Гостомыслу внуком.

Исторические разыскания Татищева подрывали позиции норманистов, поэтому Иоакимовскую летопись тут же объявили фальшивкой.

Характерно, что «История Российская» продолжает вызывать споры и по сей день — в канун «оранжевой» революции на Украине вышла монография одного из «наиболее авторитетных украинских медиевистов новой генерации» Алексея Толочко, в которой Татищев был назван не только мистификатором, но и «коррумпированным чиновником». Подобные наветы сопровождали нашего героя всю жизнь — в XVIII веке обвинения во взяточничестве и воровстве были частью придворных интриг. Он несколько раз оказывался под следствием, но всякий раз выходил победителем. Обвинения признавались подложными «в вышнем суде», а критики сами попадали на скамью подсудимых.

Незадолго до смерти Василий Никитич подготовил к изданию несколько книг «Истории Российской». Но своего труда в печатном виде ему увидеть не пришлось — «немецкая партия» в Академии наук воспротивилась публикации.

А уже после кончины Татищева в Болдино сгорела огромная библиотека, которую он собирал несколько десятилетий, в том числе и Иоакимовская летопись.

Сегодня родовая усадьба выдающегося русского историка представляет собой руины, заросшие огромным, выше человеческого роста, борщевиком. В декабре 2014 года памятник истории федерального значения продали с аукциона за 4,5 млн рублей казанскому предпринимателю — для создания сети «концептуальных бутик-отелей»...

Философ о философе

П. Верещагин.
«Вид Московского кремля». 1897

Эра любомудрия

Анастасия Гачева

3 апреля — 210 лет со дня рождения Ивана Васильевича Киреевского. «Истинный выразитель сокровенной сущности русского духа» — так назвал этого мыслителя-любомудра, одного из родоначальников славянофильства философ Николай Лосский.

ВЫСШИЕ ценности не измеряются килограммами и рублями, у них своя, метафизическая система расчетов. К примеру, небольшая книжка «Стихотворения Ф.И. Тютчева» (1854) на весах русской культуры «томов премногих тяжелей», а ее лирико-философские мотивы многократно отзываются у выдающихся творцов XX века.

Последняя статья тютчевского современника и собеседника Ивана Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856), оборванная смертельной болезнью, для русской мысли — евангельское зерно, проросшее сквозь почву времен и принесшее богатые плоды.

Мысли Ивана Васильевича о «цельности бытия внутреннего и внешнего», о соборности как подлинном основании социальной жизни, о разуме, стремящемся к единству с верой, стали программой развития национальной философии.

«Наш век отчаянных сомнений», «наш век, неверием больной...» — так назвал Тютчев свое столетие. Расщепленность, раздвоенность духа и души, разъедающий самоанализ, эгоизм, гигантское самолюбие, озлобленность ума, «кипящего в действии пустом», — эти черты сынов века, «лишних людей» русской литературы и жизни Киреевский и его собратья по славянофильству Алексей Хомяков, Константин Аксаков связали с безверием.

Именно в нем они видели начало ложного устройства личности. От славянофилов и Тютчева нити преемственности протянулись к Достоевскому, который в 1860–1870-е годы провел блестящее художественное исследование природы автономного сознания, человеческого «я», лишенного религиозной опоры. Подчеркнул, что без «высшей идеи существования», без «веры в свою душу и в ее бессмертие» личность уплощается, искажается, а развитие социума сворачивает на ложные, кризисные пути.

Александр Герцен в «Былом и думах» описывает, как Хомяков на одном из знаменитых московских собраний 1840-х доказывал, что голый разум не способен раскрыть человеку смысл мира, тем более — увидеть бытие на его пути к совершенству. Напротив, «оставленный на себя самого», он может ввергнуть в самый отчаянный пессимизм, ибо в природе ему открывается «простое, непрерывное брожение, не имеющее цели». Все это может в любой момент прерваться — вместе с жизнью на земле.

Позднее эту мысль Хомякова, предостерегавшего от «свирейшей имманенции», подхватит опять-таки Достоевский. Его персонажи ужаснутся выводам новейшей физики, идее тепловой смерти Вселенной. Перспектива, при которой Земля «обратится в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных

камней», породит в «усиленно сознающих» героях писателя настоящий метафизический бунт.

Спасать человека от этого восстания, переходящего в нигилистическое отрицание жизни, и будет русская философия. Могучим основанием послужит феномен воскресения Иисуса Христа, несущего в себе обетование «всеобщего воскресения», преображения Вселенной в Царствие Божие.

Пасхальное свидетельство «Христос воскрес!» Иван Киреевский определил как главную идею подлинной философии, не разделяющей разум и веру. Воскресение — совокупность Божественного откровения для христианина и средоточие человеческого бытия для философа. Оказавшись в 1830 году в Германии, где, по собственному признанию, он был «окружен первоклассными умами Европы», Киреевский пишет родным по поводу лекции Фридриха Шлейермахера о жизни Иисуса Христа. Известный немецкий богослов и философ, трактующий центральное событие Евангелия, Христово восстание из мертвых, утопал в «специальных» вопросах («началось ли гниение в теле Иисуса, оставалась ли в нем неприметная искра жизни или была совершенная смерть») и тем самым нивелировал, а то и вовсе свел на нет главный, искупительный смысл совершившегося. Иван Васильевич в недоумении: «Так ли смотрит истинный христианин на воскресение Иисуса? Так ли смотрит философ нынешний на момент искупления человеческого рода, на момент его высшего развития, на минутное, но полное слияние неба и земли»? Истину воскресения, убеждает Киреевский, нельзя постигнуть лишь разумом, о ней нельзя только философствовать, зарываясь в крючкотворные мелочи. Приближаясь к ней, «философия сходится с верою», и там, где это схождение произошло, «там весь человек, по крайней мере духовный человек».

Для отечественной философской традиции воскресение Христово — не допущение, не умственная конструкция, но абсолютная, живая реальность. Русская мысль утверждает подлинный реализм, где едины физика и метафизика, а земное не иноприродно небесному, но соединено с ним зиждительной связью. Проявления этого Иван Киреевский видит в храме

Ю. СЕЛИВЕРСТОВ. «ИВАН КИРЕЕВСКИЙ»

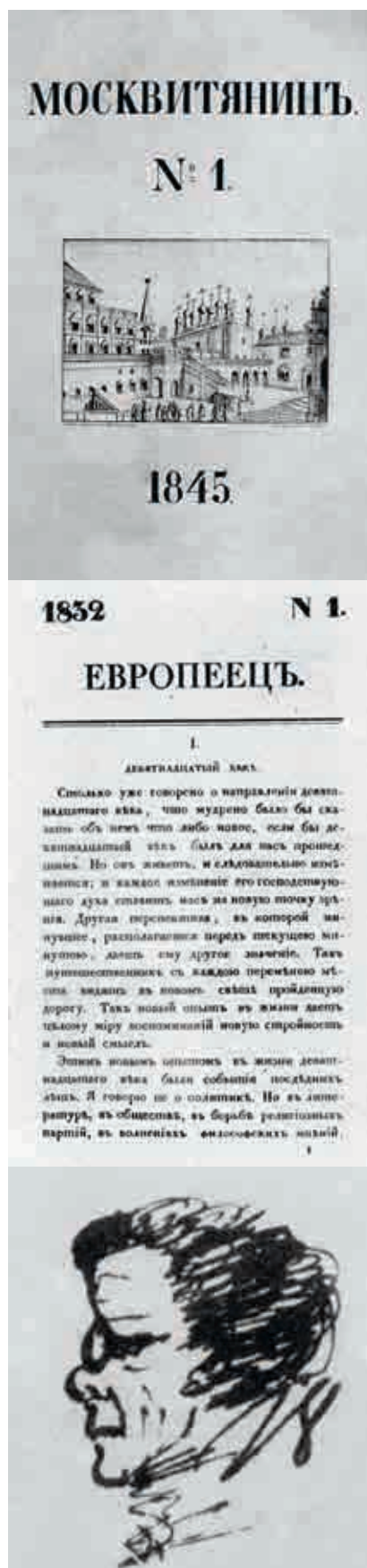
и литургии и за семьдесят лет до Евгения Трубецкого и о. Павла Флоренского говорит о синергизме иконы. Со смирением и молитвой склоняется он перед чудотворным образом Успения Пресвятой Богородицы, хранившимся в церкви его родового имения. Веками принимавшая «потoki страстных возношений, молитв людей скорбящих, несчастных», эта икона, поясняет он Герцену, «должна была наполниться силой, струящейся из нее, отражающейся от нее на верующих. Она сделалась живым органом, местом встречи между Творцом и людьми».

Таким же «местом встречи», по мысли Киреевского, должны стать жизнь и культура. Со славянофилов начинается путь русской философии к оцерковлению, преодолению разрыва между храмовым, молитвенно-благодатным, и внехрамовым, подверженным греху и розни.

«Религия не один обряд и не одно убеждение», она стремится одушевить собой все сферы человеческого бытия, вплоть до отношений семейственных и гражданских. В Киреевском, представителе старорусского дворянского рода, как и в других славянофилах, было живое ощущение почвы. И при этом он органично соединял блестящую европейскую образованность с подлинной народностью.

Тот же органический сплав почвенности и просвещенности был присущ и его матери Авдотье Елагиной. И, конечно, младшему брату, Петру Киреевскому. «Своенародности подвижник просвещенный», как назвал того поэт Николай Языков, Петр Васильевич посвятил жизнь собиранию народных песен, в которых раскрывался ему Логос крестьянского мира, голос народной души.

Оба брата получили блестящее образование, поступили на службу в московский архив Министерства иностранных дел, снискав, вместе с другими сослуживцами, будущими

членами «Общества любомудрия» Дмитрием Веневитиновым, Александром Кошелевым, Владимиром Одоевским, Степаном Шевыревым, коллективное прозвище «архивные юноши». А когда (в 1829–1830-м) братья посещали вузы Германии, в отличие от мюнхенских студентов, спавших или читавших романы на лекциях выдающихся профессоров, активно знакомились с современными тенденциями в философии, пропуская их сквозь призму собственного духовного опыта, давая новейшим теориям оригинальные, подчас и критические, оценки. Беседовали с Гегелем и Шеллингом, кумиром московских любомудров (как нетрудно догадаться, это буквальный перевод слова «философы»). Последний в одной из бесед с Петром Киреевским произнес вдохновляющие слова: «России суждено великое назначение».

Пребывание за границей братья воспринимали как приуготовление к подвигу служения России. Не на военном или хозяйственном поприще, но в сфере мысли. Не мечом или оралом, а тем, что непосредственно восходит к Слову, «Которым все начало быть». Именно о таком «духовном служении» писал Иван Киреевский своему другу Кошелеву в 1827 году: «У нас общая цель: благо отечества и общее средство: литература... Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над чистотою слога».

В этих словах — нравственная программа славянофильства, которое в 1840-е станет ярчайшим фактом русской духовной истории. Мысль, высказанная «на заре туманной юности», прорастет спустя годы — в поздних статьях.

Братья Киреевские в этом плане подобны двум другим братьям — Аксаковым. Младший из Киреевских в некоторых вопросах предвосхищает старшего из Акса-

ковых — Константина, сторонника Московской Руси, апологета земских соборов, упрекавшего послепетровский период русской истории в безнравственности. Они замечательно цельные типы, убежденные защитники русского воззрения, как бы сразу вылепленные из одного куска.

Ивану Киреевскому, напротив, ближе младший Аксаков — тоже Иван. С тем связана эволюция славянофильства 1860-х, он в своей теории к единству «царя и земли» добавит третью составляющую — общество.

Петр Киреевский свою веру в самобытность русских народных начал исповедовал с юности, сохраняя ее неизменной до последних дней. У Ивана Васильевича утверждению национальной философии, стоящей на идее цельного знания, примиряющей разум и веру, предшествовал серьезный внутренний рост, на который влияли и споры с братом, и последовавшая в 1834-м женитьба на Наталии Арбеновой, и общение с о. Филаретом Новоспаским, преп. Макарием Оптинским, и участие в издании творений Св. Отцов, и диалоги с членами славянофильского кружка, прежде всего Хомяковым...

В письме родным из Германии Петр Васильевич так писал о своем старшем брате: «Он тот же энергичный, высокий и горячий душой, и ясный, но вместе с этим прежним русским и европеец, т.е. деятельный». Это, пожалуй, самая точная характеристика молодого Ивана Киреевского. Вернувшись в Россию после заграничного путешествия и предприняв издание журнала с говорящим названием «Европеец», он пытается соединить эту самую деятельность-активность с основами традиции. Европейский вектор в его раннем творчестве не означает ни безнравственности, ни тем более презрения к России. Позиция Киреевского сродни будущему почвенничеству Достоевского, как оно проявилось в начале 1860-х на страницах журнала «Время».

Провозгласив тезис о возврате интеллигенции к истокам и корням, Достоевский постепенно углублял свою мысль, все смелее и отчетливее отождествлял с почвой православную веру. Движение Ивана Киреевского от статьи «Деятельный век» (1831) до программного труда «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852), по сути, было таким же. Вступив в 1839-м в диалог с Хомяковым, положивший начало возникновению славянофильства, он акцентировал: «С введением христианства нравственные понятия русского человека изменились, а

Чем для западноевропейского общества были университеты, тем для России — монастыри. Вера стала основой народного просвещения

вместе с ними и его общежительные отношения, и потому все общественное устройство русской земли должно было в своем развитии принять также направление христианское».

Чем для западноевропейского общества были университеты, тем для России — монастыри. Вера стала основой народного просвещения, скрепляющей силой национального организма. Ибо просвещение — не набор сведений, необходимых человеку в практической жизни, не простой багаж знаний, но духовное воспитание личности, просветление ее светом Христовой истины.

Киреевский-философ — последовательный критик рационального типа мышления, который на протяжении веков господствовал в европейской традиции. Одно-

сторонняя рациональность ограничила человека, обрекла его на кабинетное знание, оторванное от жизни, разделила разум и веру, породила разъедающий скептицизм.

Автономия разума ведет к тупику. «Разум, сам себя развивающий, сам собою и ограничивается». Задачу русского любомудрия Киреевский видит в том, чтобы эту ограниченность преодолеть, возвысив «самый способ мышления» «до сочувственного согласия с верой».

В его учении о познании действует не холодный рассудок, не сухое, бездушное ратиио, но высший, «сердечный» ум, открытый действию Божественного Логоса, разумению истин горних, правде Царствия Небесного, ум, идущий в одном направлении с сердцем. Просветляющий душу разумением и, в свою очередь, одушевленный любовью.

Призывая «возвысить разум до того уровня, на котором он бы мог сочувствовать вере», Киреевский вовсе не стоит за слепое, наивное верование. Напротив, устремляет своих современников к вере совершеннейшей, сознательной, осуществляющейся, как скажет потом Достоевский, «серьезно и вправду». Такая вера захватывает все человеческие силы и дарования, прекращая разнонаправленность их устремлений. Обращает к Пресвятой Троице, в Которой — не только «средоточие всех святых истин», но и образ совершенного устройства мира. И даже способ философской мысли о нем.

Говоря о цельности веры и знания, Киреевский меньше всего теоретик. Он сам был носителем этого разума, воплощая образ цельного человека. «Сердце, исполненное нежности и любви, ум, обогащенный всем просвещением современной нам эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то особенная мягкость чувства... горячее стремление к истине» — так писал в некрологе о нем Алексей Хомяков.

Русский гений

ФОТО: АНВАР ГАЛЕЕВ/ТАСС

НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского в Москве

Система Склифосовского

Валерий Бурт

Имя этого человека все время на слуху. Оно звучит из радиоприемников, телевизоров. НИИ скорой помощи имени Склифосовского, или в просторечии «Склиф» — место в центре Москвы, где врачи каждый день спасают от смерти сотни пациентов. Больница, бывшая некогда странноприимным домом, основанным графом Николаем Шереметевым, в 1929 году получила имя великого русского хирурга. 180-летие со дня рождения Николая Склифосовского — подходящий повод, чтобы перелистать страницы его славной жизни.

ТАЛАНТЫ часто выбиваются «в люди» из низов. Нужда заставляет подниматься вверх, тянуться к свету. Они стремятся преодолеть тяготы жизни, завоевать во что бы то ни стало расположение фортуны. Это относится и к нашему герою, родившемуся 6 апреля 1836 года близ города Дубоссары Тираспольского уезда Херсонской губернии. Он стал девятым ребенком (всего их было двенадцать) в семье небогатого дворянина Василия Склифосовского. У того и должность была скромная — письмоводитель местной карантинной конторы, и жалованье невеликое.

Николаю довелось хлебнуть лиха: его и других младших детей отцу — матери уже не было в живых — из-за безденежья пришлось отдать в сиротский дом. Мальчик рос необычайно трудолюбивым, вдумчивым. Выделялся прилежностью и учился недурно. Особенно тянуло Николая к естественным наукам, иностранным языкам, литературе и истории.

Среднее образование он получил в Одесской гимназии. Был одним из лучших ее учеников, получил серебряную медаль. Полный надежд, отправился поступать в Московский университет. Почти все экзамены сдал с оценкой «отлично», и только за знания по физике и зоологии получил «хорошо». Учитывая его способности, Совет университета принял постановление «О помещении воспитанника одесского приказа общественного призрения Николая Склифосовского на казенное содержание».

Он учился у Федора Иноземцева, талантливого эскулапа, конкурента Николая Пирогова. Все бы хорошо, если бы не бедность, которая держала молодого человека за горло. Склифосовский с трудом перебивался на скудную стипендию. Денег не хватало даже на переезд из Москвы в Одессу после окончания университета. Завер-

Н. Склифосовский. 1899

шил учебу Николай блестяще и, один из немногих студентов, держал экзамен на степень доктора медицины.

В 1859 году получил место в хирургическом отделении Одесской больницы и наконец обрел материальную независимость. Он мог бы быстро сделать карьеру. Совсем еще молодому человеку предлагали должность главного врача. Однако регалии и престижное положение были отвергнуты ради постоянной практики. Склифосовский защитил диссертацию и отправился набираться опыта у европейских светил.

Трудился в Патологоанатомическом институте Рудольфа Вирхова и клинике Бернгарда фон Лангенбека в Пруссии, консультировался с Огюстом Нелатоном во Фран-

Огромный интерес вызвал организованный Склифосовским XII Международный съезд хирургов, который прошел в Москве в 1897 году. На нем присутствовали видные ученые из многих стран мира, в том числе Вирхов, у которого когда-то учился инициатор съезда. Посетив его клинику, немец восхищенно воскликнул: «Вы стоите во главе учреждения, которому завидуют другие народы Европы!»

ции. В Англии знакомился с лондонскими медицинскими школами, а в Шотландии перенимал опыт у профессора акушерства Джеймса Симпсона. Потом пришло время самостоятельной деятельности.

Добившись разрешения правительства России, он уезжает на Австро-прусскую войну. В палатках с красным крестом, рискуя жизнью, под визг пуль и вой снарядов спасает солдат и офицеров обеих армий. Волею судеб Склифосовский оказался близ передовой в кровопролитной битве при чешской деревне Садове. За участие в том сражении получил прусскую боевую награду.

Трудно поверить, что он, когда начинал учебу, был излишне робок и сентиментален. Говорят, однажды на практических занятиях при виде больного, кричащего от боли и залитого кровью — манипуляции в то время проводились без хлороформного наркоза, — рухнул в обморок в операционной. Впрочем, может быть, это только легенда.

Австро-прусская война послужила в качестве первого боевого опыта для хирурга. Затем он участвовал во многих европейских военных кампаниях. Одной из них стала Франко-прусская. Через несколько месяцев Склифосовский вернулся в Россию, в Санкт-Петербург, поскольку был приглашен в Медико-хирургическую академию, единственное учебное заведение в России, где готовили военных врачей.

Спустя несколько лет разразилась Русско-турецкая война, и хирург снова оказался в действующей армии. Николай Васильевич едва ли не ночевал в операционной, ибо раненные шли сплошным потоком. Его жена Софья Александровна вспоминала: «После трех-четырех операций кряду, часто при высокой температуре в операционной, надыхавшись за несколько часов карболкой, эфиро-

Санитарный обоз российского Красного Креста. 1877–1878

ром, йодоформом, он приходил домой с ужаснейшей головной болью, от которой отделялся, выпив маленькую чашечку очень крепкого кофе».

Склифосовский находился в гуще событий, когда русская армия переправлялась через Дунай, в яростных сражениях под Плевной и на Шипке. Оперировал непрерывно, забывая про сон, отдых и еду. Подводы с ранеными приходили одна за другой, крики несчастных заглушались грохотом артиллерийской канонады. Врача не могли остановить даже приближение вражеских войск и угроза смерти, которая бродила рядом, а порой и заглядывала в операционную. Такое случалось, когда осколки и пули залетали в окна. Позже подсчитали, что во время Русско-турецкой войны через его руки прошло более десяти тысяч раненых.

Когда наступали минуты затишья, он буквально валился с ног. Чтобы взбодрить хирурга, врачи и медсестры давали ему несколько глотков вина. Переведя дух, Николай Васильевич снова брел к операционному столу, на котором уже лежал очередной окровавленный воин.

Знаменитый Николай Пирогов — между прочим, его учитель — преклонялся перед Скли-

фосовским и его коллегами, исполнявшими свой долг «с примерной энергией и необыкновенным напряжением сил», заслужившими «общую признательность всех друзей человечества».

И в мирное время он работал не покладая рук. Продолжал истово постигать анатомию, уделяя много времени практике. Как-то наутро Склифосовского нашли рядом с покойником. Хирург пребывал в состоянии глубокого обморока от переутомления.

Врач много размышлял, анализировал. Первым в мире применил местное обезболивание, начал дезинфекцию инструментов, бинтов и даже халатов врачей. Антисептика спасла миллионы больных от заражения крови и других послеоперационных осложнений.

То, что совершил блестящий эскулап, можно назвать революцией в медицине. Он изобрел хирургическое соединение суставов, так называемый «русский замок», внедрил рентгенологические исследования. Склифосовскому принадлежат разработки различных оперативных вмешательств, в частности, хирургии брюшной полости. Он предложил способы лечения мозговых грыж, грыж брюшной стенки, рака языка и челюстей, желудка, удаления

каменной мочевого пузыря. И это только часть его новаций.

Стоит добавить, что по инициативе Склифосовского в России стали проводиться съезды хирургов, был организован первый в стране Институт усовершенствования врачей. Николая Васильевича знал весь мир и восхищенно говорил о его методике.

После Русско-турецкой войны он стал профессором Московского университета и заведующим хирургической клиникой, расположенной на Девичьем поле. Это был смелый шаг, поскольку в то время медицинское учреждение находилось в упадке. Новый заведующий энергично взялся за дело, и вскоре клиника стала одним из лучших лечебных учреждений в Европе.

Огромный интерес вызвал организованный Склифосовским XII Международный съезд хирургов, который прошел в Москве в 1897 году. На нем присутствовали видные ученые из многих стран мира, в том числе Вирхов, у которого когда-то учился инициатор съезда. Посетив его клинику, немец восхищенно воскликнул: «Вы стоите во главе учреждения, которому завидуют другие народы Европы!»

Авторитет Склифосовского был безмерным. Подтверждений тому много, но достаточно, пожалуй,

привести лишь один факт. Русские врачи собрали средства для памятника Пирогову в Москве, однако местные власти не давали разрешение на его установку, опасаясь властного окрика из столицы. Узнав об этом, Склифосовский отправился в Санкт-Петербург и добился аудиенции у императора Николая II. Тот выслушал врача и инициативу одобрил. Так в Москве появился первый монумент в честь ученого.

Судьба щадила его, находящегося в гуще событий во время боевых действий, однако жестоко обошлась с его близкими. Молодая жена врача рано умерла, оставив ему трех маленьких детей. От второго брака родились еще четверо, но трое из них преждевременно ушли из жизни.

Печальная участь постигла старшего сына Владимира. Тот, легкомысленно вступив в боевую

революционную организацию, получил задание убить губернатора Полтавы. Не смог — ибо хорошо знал этого человека, не раз бывавшего в их доме. И не выполнить задание считал себя не вправе. Потому покончил с собой...

Еще один сын Склифосовского, Николай, был убит в Русско-японскую войну. Следующий в списке, Александр, таинственно исчез после Октябрьской революции. И, наконец, парализованную вдову великого хирурга, а также дочь Тamarу зверски убили большевики.

Львиную долю этих ужасов Николай Васильевич, к счастью (если здесь вообще допустимо это слово), не застал, хотя последние годы его жизни были и без того сверх всякой меры омрачены. Он покинул Санкт-Петербург, где возглавлял Клинический институт, и поселился в усадьбе Яковцы под Полтавой. Тут-то и настигла его смерть. Похоронили Склифосовского неподалеку от места знаменитой Полтавской битвы.

В те зимние дни 1904-го в Москве начал свою работу V съезд российских хирургов. Его открытие сопровождалось вестью о смерти гениального врача. «Сошел в могилу, несомненно, один из самых выдающихся хирургов нашего Отечества, имя которого мы привыкли ставить тотчас после имени великого Пирогова», — такими словами делегаты охарактеризовали печальное событие.

После многих людей остаются, по большому счету, лишь обещания, призывы и проекты. Николай Склифосовский — хирург милостью Божией — мало говорил, но много делал. Его дочь, Ольга Николаевна, вспоминала, как отец с воодушевлением говорил: «Наша Родина имеет все, может дать все своему населению! Крым, Кавказ, Урал — какие богатства! Надо лишь разбудить инициативу и творчество русских людей...»

Наука побеждать

Возвращение в Арзрум

Валерий Шамбаров

С XVI до начала XX века прогремело 12 русско-турецких войн (не считая отдельных конфликтов, набегов, подстрекательства кавказских горцев против русских и поставок им оружия). Причем османская сторона всегда первой предпринимала враждебные акции, приводившие к вооруженным конфликтам. Но русские, как правило, брали верх. В результате этих побед были присоединены Крым, Причерноморье, Грузия, Бессарабия, оказана помощь в освобождении от турецкого ига Греции, Валахии, Молдавии, Сербии, Черногории, Болгарии. Бывали периоды, когда Россия получала право покровительства в отношении православных христиан в Сирии и Палестине, принадлежавших Османской империи. А сто лет назад мы даже отвоевали земли, некогда входившие в состав древнего государства единоверцев-армян.

К ПЕРВОЙ мировой туркам помогла подготовиться Германия. Перевооружила их новейшими винтовками, пушками. Прислала офицеров-инструкторов. Турецкие солдаты были сильными, выносливыми, стойкими, армия насчитывала почти 800 000 штыков и сабель, миллион обученных резервистов, 200 000 иррегулярной конницы — курдской и арабской. Правительство во главе с Энвер-пашой вынашивало грандиозные планы по созданию Великого Турана, куда вошли бы Крым, Кавказ, Поволжье, Урал, Средняя Азия, Алтай. В октябре 1914-го, когда основные русские силы ушли сражаться против немцев и австрийцев, османский флот вероломно бомбардировал Севастополь, Одессу, Феодосию, Керчь, Новороссийск, стал топить наши суда.

Турецкие полчища под командованием Энвера ринулись захватывать Закавказье. Надеялись, что вторжение вызовет восстания местных народов. Для этого засылали агентуру, формировали из националистов Грузинский легион. Под Сарыкамышем неприятель окружил небольшую русскую армию. Уже предвкушал, как уничтожит ее и Закавказье достанется ему «на блюде». Но эти планы были перечеркнуты. Восстаний не произошло. Грузины, армяне, азербайджанцы, горцы Северного Кавказа остались верны России. А командующий Кавказской армией Николай Юденич искусными маневрами не только спас свои соединения, но отрезал и зажал в горах прорвавшуюся группировку врага. Та погибла почти полностью.

М. МИЗЕРНОК. «ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА Н.Н. ЮДЕНИЧА». 1916

Война на этом фронте отличалась страшной жестокостью со стороны турок. Русских в плен не брали, убивали с надругательствами, истязаниями. Мало того, стамбульские политики рассудили, что в их собственных владениях христиане — лишние, ибо подвержены российскому влиянию, мешают проектам создания монолитного Турана. В 1915 году была развернута чудовищная кампания геноцида в отношении армян, населявших восточные области Турции, а также айсоров, халдеев, сирийских христиан. Часть перерезали в местах проживания, других гнали пешком в концлагеря, созданные в Конье, Рас-аль-Айне, сирийской пустыне Дейр-эз-Зор. Они устилали своими мертвыми телами дороги. Вымирали в лагерях от голода и болезней. Или их там добивали. По данным армянской патриархии, было истреблено до 1,5 млн армян. Если добавить айсоров, халдеев, сирийцев, то число жертв составит около 2,5 млн. Русские войска предпринимали специальные операции для спасения несчастных, вывели на свою территорию сотни тысяч человек.

Николай II, обсуждая с союзными дипломатами послевоенное устройство мира, выдвигал требование: Западная (турецкая) Армения должна получить автономию под протекторатом России. Царь указывал также на проблему черноморских проливов. Вопреки легендам, он не претендовал на владение Стамбулом.

Однако настаивал на обеспечении свободного прохода русских судов через Босфор и Дарданеллы. Из южных портов, морем, шли на экспорт сельскохозяйственная продукция, уголь, нефть. Когда Турция закрывала проливы, наша страна несла колоссальные убытки. А во время войны с японцами султан не выпустил через Босфор Черноморский флот (кстати, то же самое случилось во время Великой Отечественной — турки закрыли проливы для судов антигитлеровской коалиции, но свободно пропускали корабли нацистской Германии и ее сателлитов).

Стратегическое значение проливов прекрасно понимали и союзники России по Антанте. Вознамерились сами захватить их — конечно, не для того чтобы допустить туда русских. В 1915-м Англия и Франция направили к Дарданеллам огромный флот, высадили в Галлиполи целую армию. Турки дрались яростно, умело. Они не позволили десантам продвинуться с занятых ими плацдармов, измотали, обескровили. Потеряв около 200 000 человек, британцы и французы вынуждены были убраться восвояси. Побросали артиллерию и прочее имущество. После этого западные военные теоретики пришли к глубокомысленному выводу: в современной (на тот момент) войне десантные операции стали вообще невозможными. А у противника высвободилась армия, защищавшая Дарданеллы. Ее нацелили на русских.

Наше командование решило сыграть на опережение, сокрушить противостоящие силы до того, как к ним придут подкрепления. Считалось, что зимой вести боевые действия в горах слишком тяжело. Юденич наметил удар как раз зимой, когда неприятель этого не ждет. Армия тщательно готовилась, велась разведка, всех солдат одели в полушубки, ватные штаны, валенки, шились маскхалаты. 7 января 1916 года это наступление началось. В жестоких боях Кавказская армия сломила турецкую оборону на Кеприкейских позициях и

вышла к крепости Эрзерум (в прежние времена больше известной нам благодаря Пушкину как Арзрум), запиравшей дороги во внутренние области Турции. Это была не просто крепость. Под руководством германских инженеров в огромную крепостную стену превратили горный хребет Деве-Бойну. Его высота достигала 2400 м, по гребню построили 15 мощных фортов. Подступы к ним прикрывались валами, рвами, проволочными заграждениями. В промежутках между фортами были устроены батареи, пулеметные гнезда, траншеи. Вся местность простреливалась перекрестным огнем.

Стояли 20-градусные морозы, а ночью доходило до 30. Ветер поднимал и в ущельях метели. На

вершинах 11 февраля был назначен штурм. Время Юденич выбрал необычное. Приказал атаковать в 23.00. Ночной бой считается вершиной военного искусства, а тем более в горах и в такую погоду. Командующий полагал, что его войска достаточно подготовлены. Правда, подчиненные командиры занервничали. Уж очень трудная и необычная задача предстояла им. Посыпались просьбы отложить атаку. Юденич ответил: «Хорошо, согласен дать вам отсрочку: вместо 23 часов штурм начнем в 23 часа 5 минут».

Когда колонны двинулись вперед, турки в темноте не могли разобраться, где и какие силы атакуют. Солдаты в маскхалатах были невидимы на снегу и в круговертях метели. Сотни неприятельских орудий и пулеметов палили вслепую. А наши воины совершали чудеса героизма. Карабкались по обледенелым склонам. Преодолевали участки, где снег был выше человеческого роста. Дербентский полк под ливнем пуль и снарядов залег, не в силах поднять голову, но встал священник, о. Павел Смирнов, взметнул над головой крест, как

знамя. Солдаты воодушевились, кинулись на приступ за своим батюшкой (в том бою о. Павел был тяжело ранен, у него ампутировали ногу). Батальон Бакинского полка овладел одним из фортов, однако оказался отрезан от своих. Израсходовав патроны, отбивал контратаки штыками и держался три дня, пока не прорвалась подмога.

Наконец, удалось взять четыре форта. Разгрызть другие твердыни Юденич не стал. Открылась дорога в горах, и командующий бросил конницу в неприятельские тылы. Вражеские гарнизоны переполошились и поспешили выбираться из наметившейся ловушки. Было взято 13 000 пленных, более 300 орудий. Когда в Эрзерум приехал главнокомандующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич, он увидел, какие укрепления сокрушили наши бойцы. Вышел на площадь к полкам, снял перед ними шапку и низко поклонился. С докладом о взятии неприступной крепости Николай Николаевич отправился в ставку к царю. Николай II также передал благодарность войскам и поставил перед ними новую задачу — овладеть Трапезундом (Трабзоном).

Это был ключевой порт на южном берегу Черного моря. Железных дорог в здешних краях еще не построили. Турки подвозили войска на фронт и снабжали их морем, через Трапезунд. Если отобрать его, неприятельским соединениям придется сотни километров тащиться пешком, на телегах. Зато русская армия, углубившаяся на османскую территорию, могла бы через порт поддерживать связь со своими тылами. Разумеется, враг осознавал значение города, наращивал оборону. Юденич и на этот раз перехитрил супостата. Он изобразил, будто намерен атаковать Трапезунд с юга, развернул свою основную группировку, которая брала Эрзерум. Противник поверил, стянул на данное направление силы и резервы. На самом же деле

командующий задумал десантную операцию. В обстановке глубочайшей секретности в Мариуполе грузились на суда две пехотные дивизии, а в Новороссийске — две казачьи пластунские бригады. В царской армии это были «спецназовцы», отборные воины.

Участок фронта на берегу моря выглядел как будто спокойным. У русских здесь стояли всего шесть полков. Но внезапно подошли ко-

Увы, эту победу свели на нет революция и последовавший за ней развал русской армии. В декабре 1917-го с Османской империей было подписано перемирие

рабли Черноморского флота, перепахивая турецкие позиции крупнокалиберными снарядами. На фланге противника высадились 1-я пластунская бригада генерала Ивана Гулыги, сразу же устремившись в атаку. А 2-я пластунская бригада генерала Александра Краснопевцева начала высадку в Сюрмене, рядом с Трапезундом. Причем казаки рассудили по-своему. Прикинули, что спускать с транспортов шлюпки и боты, а затем грузиться в них будет слишком долго — враг может опомниться и организовать отпор. Они бросились вплавь по студеному апрельскому морю, внезапно появились в османских тылах, вызвали панику. Оборона противника стала разваливаться. Турки побежали. 18 апреля 1916 года Трапезунд пал. Развивая успех, наши войска взяли Эрзинджан, Битлис, Муш и еще ряд городов. Продвинулись в глубь Турции на 350 км, заняли территорию, по площади превышавшую все российское Закавказье. Казаки поили коней из Тигра и Евфрата...

Увы, эту победу свели на нет революция и последовавший за ней развал русской армии. В декабре 1917-го с Османской империей было подписано перемирие, и солдаты хлынули по домам. Турки, убедившись, что русских против них не осталось, в феврале 1918-го перешли в наступление. Энвер-паша подтвердил войскам прежние задачи — захват Закавказья и Кавказа. Ворвавшись в Трапезунд, они набросились на госпитали, тыловые учреждения, на наших солдат, не успевших выехать. Германские дипломаты докладывали в МИД: «Тысячи русских расстреляны и сожжены заживо. Армяне подвергаются неопишущим пыткам. Детей суют в мешки и кидают в море, стариков и женщин пригвождают к крестам и калечат, девушек и женщин насилюют».

Кроме русских да армян истребляли еще и греков — их проживало довольно много в приморских городах. В первой кампании геноцида для них сделали исключение, чтобы не подтолкнуть Грецию к вступлению в войну. В 1917 году она присоединилась к державам Антанты, поэтому греков стали резать так же, как и остальных христиан. Турки за несколько месяцев возвратили прежде утраченные земли. Кроме того, заняли Сарыкамыш, Карс, Ардаган, уже сорок лет принадлежавшие России.

И все-таки Кавказский фронт напоследок подтвердил славу непобедимого. Некоторые офицеры, солдаты, казаки добровольно остались в строю. Прикрывали массы христианских беженцев, ухаживавших из родных мест. Остатки фронтовых частей объединились с отрядами армянского ополчения и в мае 1918-го в упорнейших сражениях под Сардарпатом и Каракилисой наголову разгромили наступавшие турецкие полчища. Спасли от уничтожения Восточную Армению. Ту самую, которая стала называться впоследствии просто Арменией.

Небо — его обитель

Андрей Самохин

Наши летчики во время войны звали их ласково-панибратски «яшками». Немецкие — уважительно — «быками». Владимир Высоцкий одухотворил самолет этой марки в своей песне: «Я — «Як»-истребитель, мотор мой звенит, небо — моя обитель. Но тот, который во мне сидит, считает, что он — истребитель». Сам Александр Яковлев пропел свою главную песню тоже в период Великой Отечественной. В ней явственнее всего слышался мощный рокот машин Як-3 и Як-9. Исполнил совместно с учениками из своего КБ и много иных военных и мирных «мелодий», навсегда вошедших в историю.

КАК и другие великие авиаконструкторы, Александр Сергеевич оставил после себя стиль, школу и заделы на многие годы вперед. Неудивительно, что надежду на возрождение отечественной гражданской авиации у нас связывают с «магистральным самолетом XXI века» (МС-21), который «в серии» получит название Як-242.

3 июня 1943 года его, начальника ПКБ Спецавиатреста и заместителя народного комиссара авиационной промышленности, вместе с другим замнаркома Петром Дементьевым вызвали в Ставку Верховного главнокомандования. Приметив на столе у Сталина фрагмент потрескавшейся полотняной обшивки крыла истребителя Як-9, приглашенные сразу поняли, что их ждет тяжелый разговор. Беда, из-за которой уже на нескольких самолетах сорвало обшивку и летчики отказывались летать, произошла вследствие использования бракованной нитрокраски, поставляемой одним из уральских химкомбинатов.

«Сталин взял кусок полотна, лакокрасочное покрытие которого совершенно растрескалось и отваливалось кусками, — вспоминал позже Яковлев, — показал нам и спросил:

— Что это такое?

Дементьев сказал, что мы о дефекте знаем и принимаем меры к тому, чтобы прекратить выпуск негодных самолетов и отремонтировать уже выпущенные машины...

— Знаете ли вы, что это срывает важную операцию, которую нельзя проводить без участия истребителей?

Да, мы знали, что готовятся серьезные бои в районе Орел — Курск, и наше самочувствие в тот момент было ужасным...

— Да знаете ли вы, что так мог поступить только самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на фронте оказались негодными!.. Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы!

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно тербил в руках кусок злополучной обшивки. Несколько минут прошло в гробовом молчании».

После этого главковерх, несколько успокоившись, спросил, в какой срок могут быть устранены заводские дефекты на нескольких сотнях самолетов. Дементьев пообещал справиться за две недели.

«Когда мы выходили из кабинета Сталина, я облегченно вздохнул, но вместе с тем не мог не сказать Дементьеву:

— Слушай, как за две недели можно выполнить такую работу?

— А ты чего хочешь, чтобы нас расстреляли сегодня? Пусть лучше расстреляют через две недели», — вспоминал авиаконструктор, сообщив, что это «нереальное» обещание вождю было выполнено в срок! Як-9 и Як-3 вместе с «Илами» и другими крылатыми машинами сыграли в дальнейшем крайне важную роль в битве на Курской дуге.

Самым известным советским истребителем в те годы стал именно Як-3, даже несмотря на совсем «негладкое» вхождение в строй. Исключительная (всего 2650 кг)

Авиаконструктор А. Яковлев. 1971

Як-9 в небе над Севастополем. Май 1944 года

Реактивный истребитель Як-15. 1946

Истребители Як-38П на борту тяжелого авианесущего крейсера «Новороссийск». 1984

ФОТО: РИА НОВОСТИ

легкость, отличная аэродинамика, а вследствие этого маневренность позволяли ему работать в непосредственном контакте с войсками и драться сразу с несколькими воздушными противниками. «Мессершмитты-109», «Фокке-Вульф-190», повстречавшись с детищем Яковлева, падали, дымясь, «пачками». В летопись боевой авиации вошел бой 16 июля 1944 года, в котором 18 «трешек» сражались с 24 разными истребителями люфтваффе. Итог: подбито 15 вражеских самолетов и лишь один Як-3.

«На высоте 4,5 и даже 5 тысяч метров мы бьем противника как хотим, — рассказывали летчики полка «Нормандия — Неман»... На Як-3 вдвоем можно драться против четверых, а вчетвером — против шестнадцати...»

Французские летчики, сражавшиеся в этом легендарном полку, в 1945-м с триумфом приземлились в Париже на «Яках», полученных в подарок от СССР. Один до сих пор стоит в музее «Нормандии».

Заслуженным успехом пользовались практически все военные модификации яковлевских истребителей. Известный ас Дмитрий Кудымов, начинавший воевать на ЛаГГ-3, который злые языки прозвали «лакированным гарантированным гробом», вспоминал: «Мы с завистью смотрели на тех, кому

посчастливилось летать на самолетах конструкции Яковлева». На «Яках» во время Великой Отечественной войны сражались дважды Герои Советского Союза Арсений Ворожейкин (46 самолетов, сбитых

Надежду на возрождение отечественной гражданской авиации у нас связывают с «магистральным самолетом XXI века» — МС-21, который «в серии» получит название Як-242

во время Великой Отечественной), Александр Колдунов и Евгений Савицкий (соответственно 46 и 22 победы).

А через десяток лет модифицированный «старичок» Як-9П в Корейской войне лихо сбивал американские летающие крепости В-29 и даже успешно противостоял реактивным F-80, что до сих пор удивляет историков авиации.

К своим высотам конструктор Яковлев шел последовательно. Родился 1 апреля (19 марта) 1906 года в Москве, в семье, как сейчас сказали бы, менеджера «Товарищества братьев Нобель». Школу окончил

уже в советское время. Работал курьером, строил летающие авиамодели, стал одним из пионеров планеризма и спортивной авиации. Его первый планер АВФ-10 в 1924 году получил премию на всесоюзных соревнованиях. Кстати, дата дебютного полета этого аппарата — 15 сентября того же года — ныне отмечается как день рождения ОКБ имени Яковлева.

Одна за другой пошли «авиетки», которые он строил при содействии ОСОВИАХИМа. Трудясь сначала рабочим, затем мотористом летного отряда Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, самоучкой постигал теорию авиации, расчеты на прочность, сопромат. В саму же академию его не брали: «непролетарское происхождение».

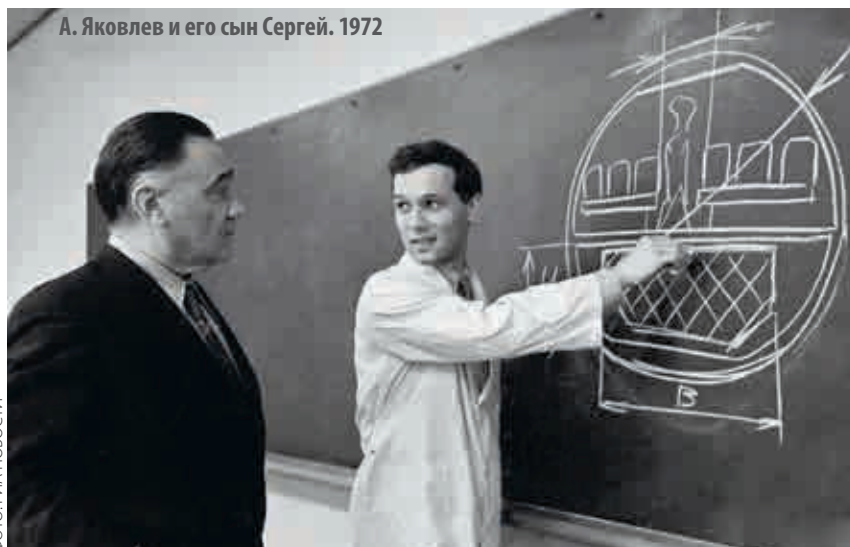
Решив доказать себе и другим, на что он способен даже без диплома, 20-летний конструктор самостоятельно построил легкий деревянный биплан АИР-1 (Алексей Иванович Рыков). Несмотря на «кустарное» изготовление, самолет, к изумлению комиссии, был сделан не менее аккуратно, чем заводской, и в 12 полетах показал великолепную устойчивость, управляемость, превышение всех заявленных характеристик.

Специалистам стало ясно: в советскую авиацию пришел многообещающий талант. Ярким подтверждением этого оказался беспосадочный спортивный перелет на АИР-1 по маршруту Москва — Севастополь — Москва, установивший среди самолетов малой мощности два мировых рекорда: по дальности и продолжительности. Аббревиатура АИР в яковлевских машинах использовалась до 1937 года (пока Рыкова не арестовали). А в декабре 1940-го постановлением правительства все самолеты стали именовать по первым двум буквам фамилий главных конструкторов.

Александр Яковлев стремительно поднимался по карьерной лестнице: диплом Академии им. Жуковского, работа инженером

А. Яковлев и его сын Сергей. 1972

ФОТО: РИА НОВОСТИ

авиазавода № 39 им. Менжинского, назначение начальником производственно-конструкторского бюро Спецавиатреста. Еще в 1940-м, в возрасте 34 лет, он стал заместителем наркома Авиапрома.

Что и говорить, «сталинский лифт» двигался очень быстро. Во всяком случае, конструктора Яковлева «отец народов» разглядел практически сразу, всегда давал ему зеленую улицу и прикрывал своим авторитетом при неудачах. Так было, например, после создания первого бомбардировщика ББ-22 (Як-2), сверхбыстрого, но не отвечавшего целевым задачам.

Особые отношения с вождем породили массу завистников и недоброжелателей. Уже гораздо позднее, в ряде постперестроечных публикаций, Александра Сергеевича обвиняли в интриганстве и даже доноситељстве, приписывая ему, помимо всего прочего, решающую роль в «уничтожении» Николая Поликарпова как профессионала, организации ареста Андрея Туполева... При более внимательном, добросовестном рассмотрении эти наветы рассыпаются, как труха. Правда же заключается в том, что АэС, как величали Яковлева за глаза, был ярким символом именно созидательной стороны сталинской эпохи, шире — советского государства. Генерал-полковник, действи-

тельный член АН СССР, депутат Верховного Совета, дважды Герой Социалистического Труда, десятикратный кавалер ордена Ленина... Да, он был чрезвычайно требователен к себе и другим. Мог выглядеть грубым, если речь шла о разгильдяйстве или жульничестве. Разумеется, как всякий человек, АэС оказывался порой и неправ.

Конкуренция между авиационными КБ была жесткая, но здоровая по сути. Далеко не все из конструкторов выдерживали «этику» этого соревнования.

После войны в яковлевской и микояновской фирмах наперегонки создавались первые отечественные реактивные истребители Як-15 и МиГ-9. Незадолго до этого Александр Сергеевич спокойно и в то же время невероятно щедро поделился с Артемом Ивановичем Микояном ключевой схемой расположения двигателя. В результате обе конкурирующие машины встали на крыло одновременно.

Трудно переоценить пользу, принесенную ОКБ им. Яковлева. Всего было построено более двухсот типов и модификаций летательных аппаратов, в том числе свыше ста серийных. Целая «победная» серия истребителей, штурмовиков, транспортников военного времени, реактивный первенец Як-15 и Як-25 — первый всепогодный пере-

хватчик; первый советский сверхзвуковой фронтовой бомбардировщик Як-28; первый сверхзвуковой самолет вертикального взлета и посадки Як-141; первый советский палубный самолет вертикального взлета и посадки Як-38...

Впрочем, в разработке боевых машин яковлевцы с середины 1960-х годов стали уступать более напористым ОКБ Микояна и Сухого. Однако нашли для себя надежную нишу в производстве учебно-тренировочных крылатых машин, где «бычкам» и сегодня нет равных.

Сказывался и крутой характер генерального конструктора, разругавшегося вразыг с тогдашним министром гражданской авиации Борисом Бугаевым. Хотя это как будто не помешало яркому взлету в пассажирском авиастроении: в конце 60-х был создан первый в мире пассажирский реактивный самолет для местных авиалиний — Як-40. Ему на смену пришел 120-местный Як-42, на котором установлено девять мировых рекордов. По сорок с лишним лет проработали обе модели на воздушных трассах планеты с минимальным количеством аварий, с завидной скоростью и комфортом. Это и был яковлевский стиль. Скончавшись в 1989 году, АэС, слава Богу, не увидел развала СССР, погрома отечественного авиапрома и прочих «реформ».

Плоды великих конструкторских школ могут надолго пережить их творцов. Среднемагистральный пассажирский самолет МС-21, первый полет которого ожидается в декабре 2016 года, призван, наконец, потеснить на российском рынке «эрбасы» и «боинги». Несмотря на ряд суперсовременных инновационных решений, никто не скрывает, что в основе модели отечественного лайнера лежат конструкторские заделы, созданные яковлевской фирмой еще в начале 1980-х. Поэтому вполне оправданна и его будущая серийная марка — Як-242. Полет продолжается.

Званный гость

ФОТО: ВЛАДИМИР ДЖАНИБЕКОВ, АЛЕКСАНДР ИВАНЧЕНКОВ, ЖАН-ЛУ КРЕТЬЕН/ФОТОХРОНИКА ТАСС

Космическая станция «Салют-7». 1982

Космонавт Жан-Лу Кретьен: «Я Герой Советского Союза и горжусь этим»

Юрий Коваленко, Париж

В этом году Россия и Франция отмечают полувековой юбилей исторического визита генерала де Голля в СССР (20 июня — 1 июля 1966-го). Тогда, помимо прочего, была достигнута договоренность о сотрудничестве двух стран в освоении космоса. А шестнадцать лет спустя Жан-Лу Кретьен стал первым французом, побывавшим (в составе экипажа под руководством Владимира Джанибекова) на орбитальной станции. С ним в преддверии также юбилейного для нас Дня космонавтики встретился и побеседовал наш парижский корреспондент.

СВОЙ: Как Вы впервые попали в Звездный городок?

Кретьен: Во время визита генерала де Голля я был летчиком в Центре испытательных полетов города Истр. После возвращения главы нашей республики из СССР пошли разговоры об участии французов в совместных космических полетах. Эта программа стартовала в 1974 году. Национальный центр космических исследований Франции (КНЕС) отобрал 500 кандидатов. После серии испытаний нас осталось пятеро. В течение трех месяцев мы проходили дополнительные тесты, учили русский язык. В конце концов в июле 1980 года КНЕС выбрал Патрика Бодри и меня.

СВОЙ: Какими были тогдашние впечатления о Советском Союзе?

Кретьен: Первые два года, проведенные в Звездном городке, стали, несомненно, самыми интересными в моей жизни. Мы находились в окружении советских друзей. Время от времени встречались с жившими в Москве соотечественниками, в том числе с дипломатическими работниками. Они многого не знали о программе и были невысокого мнения о советской технике. Помню, как молодая жена французского дипломата говорила мне: «Ты действительно хочешь полететь с ними в космос? Ты сошел с ума! Разве не видишь, на каких колымагах они ездят по улицам?!» Пришлось объяснять, что советские ракеты замечательно летают.

СВОЙ: Наверное, у Вас все-таки имелись опасения, связанные с будущим полетом?

Кретьен: Нет. В Звездном городке мы быстро освоили технику и поняли, что все работает очень хорошо. В случае ЧП действовала система безопасности. Так, Владимир Титов и Геннадий Стрекалов после возгорания ракеты-носителя были катапультированы за 48 секунд до запуска. Подобной системы не оказалось на американском «Челленджере». Тот взорвался через несколько секунд после начала

Космонавт Ж.-Л. Кретьен

ФОТО: РИА НОВОСТИ

полета. Погибли все семь членов экипажа.

СВОЙ: Как складывались отношения с советскими коллегами?

Кретьен: Мы попали в настоящую семью, в которой царил братская атмосфера. Хотя поначалу, конечно, за нами наблюдали, хотели убедиться, что имеют дело с настоящими профессионалами.

СВОЙ: Помимо профессиональных навыков, какими качествами должен обладать космонавт?

Кретьен: Оптимизмом и чувством юмора. Они помогают со-

хранять спокойствие, справляться с непредвиденными ситуациями, в том числе при выходе в открытый космос.

СВОЙ: Как проводили последние часы перед полетом?

Кретьен: Я, как и все космонавты, смотрел «Белое солнце пустыни». До сих пор пересматриваю этот замечательный фильм у себя дома в Бретани, удобно расположившись с рюмкой водки и закусками.

СВОЙ: После того рейса на орбиту Вам присвоили звание Героя Советского Союза...

С сыном Франсуа. 1982

ФОТО: АЛЬБЕРТ ПУШКАРЕВ/АСС

Кретьен: Я испытал невероятное чувство гордости. До меня эту высшую награду получали всего несколько французов, сражавшихся в авиаполку «Нормандия — Неман». Когда я отправился в Советский Союз, некоторые мои соотечественники считали, что еду к врагам. У французов короткая память. Они забыли о жертвах, которые русские принесли в годы Второй мировой, тем самым спасая остальной мир. В СССР мы часто посещали музеи и памятники погибшим воинам. Меня всегда поражала решимость советских людей любой ценой избежать повторения той трагедии.

СВОЙ: С какими чувствами покидали Звездный городок?

Кретьен: С сожалением — я оставил там половину своего сердца. Испытываю ностальгию и при каждом удобном случае возвращаюсь в Россию, к друзьям.

СВОЙ: Что еще вспоминается из вояжа в СССР?

Кретьен: Соборы и монастыри, особенно — Троице-Сергиева лавра. Церковное пение, русская классическая музыка — Чайковский, Мусоргский, Бородин. Нельзя любить Россию, не восторгаясь Большим театром. Незабываем хор Ансамбля песни и пляски Советской Армии.

СВОЙ: Хорошо помните русский язык?

Кретьен: Полагаю, неплохо. Командиры Звездного городка гордились не только тем, что французы стали космонавтами, но и тем, что научили нас русскому. Патрик Бодри и я проводили долгие часы с нашим преподавателем. Благодаря ему мы полюбили Пушкина. Меня поразил его словарный запас — более двадцати тысяч слов, тогда как у рядового француза их всего три тысячи.

СВОЙ: В одном из интервью Вы говорили, что Вам порой снятся сны на русском...

Кретьен: После первого полета все время повторяется один и тот же сон. Мы высаживаемся на планете с близким горизонтом и очень высокими горами. К ним ведет небольшая равнина, где мы живем. Там на огороде трудятся бабушка и ее старик. Они выращивают для нас овощи. Меня мучают вопросы: как они сюда попали, сколько времени здесь живут? «Они привыкли дышать этим разряженным воздухом!» — восклицает Володя Джанибеков.

СВОЙ: А что Вас привело в свое время в космонавтику?

Кретьен: Жажда приключений в большей или в меньшей степени заложена в каждом. Мне же выпал

редкостный шанс увидеть звезды, находясь вдалеке от родной планеты. Для многих космонавтов возвращение домой стало концом прекрасной эпохи. Бывшие астронавты или пилоты часто не могут найти себя в повседневной жизни, не знают, чем заняться.

СВОЙ: Но это не Ваш случай. Вы прекрасно играете на органе, участвуете в концертах и фестивалях. Говорят, даже брали мини-инструмент с собой на орбиту.

Кретьен: Помню, как исполнял на нем негритянские спиричуэлс, например, «Когда святые маршируют». Орган стал своеобразным талисманом. Когда в 1997 году на борту шаттла «Атлантис» вернулся на станцию «Мир», обнаружил там свой музыкальный инструмент, который к тому времени налетал миллионы километров.

СВОЙ: Работая в НАСА, Вы, наверное, составили собственное мнение об американцах. Чем их космонавты отличаются от русских?

Кретьен: В чисто профессиональном плане особой разницы нет. Главное различие касается культуры, человеческих отношений. Славяне — люди душевные, трогательные, отзывчивые. К ним быстро привязываешься. Тогда как американцы — англосаксы, холодные и сдержанные. В Соединенных Штатах я часто вспоминал Звездный городок и сожалел о том, что сменил простую и сердечную жизнь на материальные блага за океаном. Там нет места для сантиментов. Помню, как мне хотелось встретить Новый год в Звездном городке. Я сказал об этом Володе Джанибекову и, вернувшись из Хьюстона во Францию, 31 декабря улетел к друзьям в Россию.

СВОЙ: Как смотрится из космоса наша планета?

Кретьен: Землю облетаешь за полтора часа. С высоты 400 километров она представляется маленькой и хрупкой. Видишь, как под ногами проносятся города, моря и

океаны, горы, леса... Особенно впечатляющее зрелище открывается во время выхода в открытый космос, где мне довелось провести шесть часов...

Земля для меня как Ноев ковчег, на котором мы путешествуем по звездному океану. Может, когда-нибудь причалим к другим берегам. Но для космических экспедиций нужны огромные средства — сотни миллиардов долларов, евро, рублей — и объединение усилий русских, американцев, европейцев. Настанет день, когда обыкновенные люди смогут совершать путешествия на Луну, Марс и другие планеты, как это предвидели Циолковский, Королев и даже Жюль Верн.

СВОЙ: *Сегодня продолжается франко-российское сотрудничество в освоении космоса?*

Кретьен: Оно идет в рамках Европейского космического агентства (ЕКА). Ракета-носитель «Союз» остается единственным видом транспорта, который позволяет отправлять астронавтов, включая американских, в космос.

СВОЙ: *Вы часто садитесь за штурвал своего самолета...*

Кретьен: Я налетал в общей сложности больше 12 000 часов. Сейчас в основном путешествую по Франции. До Москвы далековато.

СВОЙ: *Вас по-прежнему интересует все, что происходит в России. Часть французского политического истеблишмента критикует нашу страну и политику Владимира Путина.*

Кретьен: Во Франции мало людей, которые, как я, долго жили в русской среде. О России они имеют очень поверхностное представление. Судят, не зная ни реалий, ни проблем, ни языка. Напротив, те, кто хорошо знаком с вашей страной, прекрасно понимают, что ей нужен именно такой президент, как Владимир Путин. Я вижу в нем российского Шарля де Голля. Франции сейчас не хватает подобного лидера.

СВОЙ: *Запад до сих пор требует от Москвы вернуть Крым.*

Кретьен: Здесь все ясно. Крымчане в подавляющем большинстве высказались за присоединение к России. Надо уважать их волеизъявление. Да и на востоке Украины живут люди, тесно связанные с Россией.

СВОЙ: *Как Вы, человек военный, отнеслись к недавней истории с «Мистралями»?*

Кретьен: Это была наша колоссальная ошибка. Франция подписала выгодный контракт, который должна была выполнить, но не сделала этого. Наши власти не понимают, что Россия нужна нам больше, чем мы ей.

Дом-усадьба Гумилевых, перевезенный из деревни Слепнево в село Градницы

Царскосельский Киплинг

Дарья Ефремова

15 апреля исполняется 130 лет со дня рождения Николая Гумилева, стихотворца, переводчика, путешественника, основателя школы акмеизма, создателя «Цеха поэтов», исследователя Африки, героя Первой мировой.

«СЕГОДНЯ, я вижу, особенно грустен твой взгляд...» Изысканный жираф, таинственно бродящий на озере Чад, — образ настолько хрестоматийный, что с него неловко и начинать. Но визитная карточка тут и впрямь очень гумилевская. Здесь все: и африканские страсти, над которыми посмеивались друзья, и уверенность в движении рифмы, и зоркость в эпитетах. «Дано больше глазу, чем слуху», а «сам поэт исчезает за нарисованными им образами», — отозвался о сборнике «Романтические цветы» Валерий Брюсов.

Биография поэта (а равно самых близких к нему людей) едва ли менее выразительна, драматически возвышенна, нежели его творчество.

Три путешествия в Абиссинию, последнее — в качестве руководителя экспедиции от Академии наук, два Георгиевских креста за храбрость на фронтах Первой мировой (прапорщику Гумилеву даже по падало от штаб-ротмистра за безрассудство: мог не спеша закурить папироску прямо под обстрелом немецких пулеметчиков) — все это в будущем. Как и отчаянные строки Ахматовой, обращенные к малолетнему Левушке: «Было горе, будет горе, / Горю нет конца. / Да хранит святой Егорий / Твоего отца». И гумилевские ратные гимны: «И воистину светло и свято / Дело величавое войны. / Серафимы, ясны и крылаты, / За плечами воинов видны».

Роковая, обреченная, страстно любимая мемуаристами пара — муза плача и конквистадор в панцире железе — отправится под венец только в 1910-м.

А пока экстравагантный, причем не только по меркам провинциальных царскоселов, молодой поэт едва ли может рассчитывать на слезы Анны Горенко. Вернувшись из Парижа, где слушать лекции в Сорбонне приходилось несколько чаще, чем охотиться на леопардов, он просто не выносит поражений. Вот и заявился в своем цилиндре и долгополом плаще на дачу Шмидта, где Горенко как на грех болела свинкой. Лицо закрыто до глаз — так не видно опухоли, а Николай Степанович любопытствует: «Покажите, тогда я Вас разлюблю!» Она показывает. А он свое: «Вы похожи на Екатерину II».

Добиваться ее руки Гумилев начал чуть ли не со дня знакомства: впервые встретились на катке, потом столкнулись на чьем-то воскреснике. Получив очередной отказ, шел на крайние меры. Даже ездил топиться в Нормандию. С дороги послал портрет со стихами Бодлера. Попытка не удалась: с пустынного пляжа прогнали блюстители порядка, принявшие юношу за бродягу. Целый, невредимый

Н. Гумилев и А. Ахматова с сыном Львом. 1915

вернулся в Париж — к радости молоденьких русских поэтесс, каких-то прекрасных гречанок и «царицы Содомы», баронессы. «Ради Вас я бросил сразу два романа», — корил он Ахматову в письме. «А третий? — смеялась она годы спустя. — С Орвиц-Занетти?»

«Я любил его молодость. Дикое дерзкое мужество его первых стихов. Парики, цилиндры, дурная слава. Гумилев, который теперь так академически чист, так ясен, так прост, когда-то пугал, — вспоминал товарищ по гимназии, знаменитый теоретик авангарда Николай Пунин. — Жирафами, попугаями, дьяволами, озером Чад, странными рифмами... темной и густой кровью своих стихов. Он пугал... но не потому, что хотел пугать, а оттого, что сам был напуган бесконечной игрой воображения в глухие ночи, среди морей, на фрегатах, с Лаперузом, да Гамой, Колумбом — странный поэт, какие должны в нем тлеть воспоминания, какой вкус на его губах, горький, густой и неисчезающий».

Пройдет без малого два десятилетия, и юный Лев Гумилев найдет пристанище в переделанной под коммуналку петербургской квартире этого профессора — в Фонтанном доме. Том самом, где нынче

музей. Служительницы, поголовно влюбленные в Анну Андреевну, начинают экскурсию с прихожей. Рассказывают, какая тут царил веселая полигамная суэта: спешил на лекции комиссар при Русском музее и Эрмитаже Пунин, «наполняла все комнаты и меняла размеры всех вещей» его гражданская жена Ахматова, а законная супруга, врач скорой помощи Анна Аренс, торопливо собиралась на дежурства, тяжело ступал ее отец, бывший царский адмирал Евгений Иванович, возвращалась с кошелкой няня Аннушка, бежали в сад с мячиком дети, приходили гости...

Из Бежецка, где он рос у бабушки, приехал семнадцатилетний Лев. В самом конце коридора — другого места в многонаселенной квартире уже не нашлось — устроили его «кабинет», или, как говорил он сам, «тупичок». Из верхнего южного окна — лучи солнца, перед глазами — неизменная кафельная печка, на сундуке — кровать, на табурете — книги... Лев переводил «Эпос о Гильгамеше». Вырезки из журналов: лаперузы, жирафы, фрегаты...

Путь в университет для сына врага народа был сложным. Приходилось зарабатывать трудовой стаж. Пошел в чернорабочие. Через год

после поступления — арест. Об отце к тому времени у него остались далеко не самые отчетливые воспоминания.

Гумилева-старшего арестовали в августе 21-го по подозрению в участии в «таганцевском заговоре», названном так по фамилии питерского профессора. Росчерк в деле следователя Якобсона (тот даже имени подсудимого не знал, звал его Станиславовичем) — и все, приговор приведен в исполнение. Раннее утро 25 августа. Ржевский полигон, вырытая силами заключенных яма, залп...

Бытует и более «романтическая» версия, известная со слов девушки, чей друг служил в расстрельной бригаде. В предрассветной мгле солдаты вытаскивали из заброшенного порохового склада осужденных, мужчин и женщин, в исподнем, халатах, изодранных полевых гимнастерках без погон. Гнали кричащих и рыдающих штыками к ямам. Человек в помятом черном костюме вышел сам, не спеша, даже вальяжно, сонно закурил папироску... Тут беготня на время прекратилась: на лесной дороге появился черный «бьюик». «Поэт Гумилев, выйти из строя!» — приказал щеголеватый военный. «А они?» — усмехнувшись, Гумилев указал на стонущую за его спиной шеренгу. «Николай Степанович, не валяйте дурака!» Тот улыбнулся, затушил папироску носком ботинка, произнес: «Здесь нет поэта Гумилева, есть офицер Гумилев», — и сделал шаг назад, в строй...

«Единственное пятно на ризе революции», — так охарактеризует эту трагедию красный комиссар, поэтесса, журналистка, красавица Лариса Рейснер. А в письме матери напишет: «Если бы перед смертью его видела, все ему простила бы, сказала бы, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта Гафиза, уроды и мерзавца». Когда

спустя годы стали разыскивать виновников, Лери (так называл ее некогда «урод и мерзавец») не поздоровилось. Поговаривали, что дело мог сфальсифицировать ее муж, Федор Раскольников, большой чиновник, дипломат, невозвращенец. На том, что никакого заговора не существовало, настаивала и Ахматова: «Была группа — пять моряков, которые что-то замыслили и, чтобы

Однажды Николай Степанович нашел у себя в почтовом ящике молитву утренней звезды. Сильно расстроился. А после и свой арест, и приговор связывал с проклятием Люцифера

отвести от себя подозрения, составили списки, включили... много видных лиц с именами, в том числе и Гумилева, отведя каждому свою определенную роль».

Встретивший Февральскую революцию в Лондоне, он едва ли мог оказаться заговорщиком: «аполитичный», твердый в убеждении, что нужно честно, по совести служить Родине, независимо от того, какая в ней власть, поэт не примкнул к Белому движению. Об эмиграции не помышлял. Рассылал письма в управление русского военного ко-

миссариата с просьбой направить его на Месопотамский или Салоникский фронт... Когда «старорежимное» ведомство прекратило свое существование и надежда на военную карьеру рухнула, вернулся в Петроград как обычный гражданский. Ушел с головой в литературную жизнь: издавал один за другим сборники («Мик», «Фарфоровый павильон», «Костер»), читал лекции в многочисленных студиях, возродил «Цех поэтов» и «Гиперборей», по-прежнему считая, что поэзия — ремесло, которому можно и нужно учиться, завел учеников. «Обезьян растишь», — посмеивалась уже бывшая жена Ахматова (с 1917 года он женат на Анне Энгельгардт, она замужем за Владимиром Шилейко).

«В 1918–1921 годах не было, вероятно, среди русских поэтов никого, равного Гумилеву в динамизме непрерывной и самой разнообразной литературной работы... Секрет его был в том, что он, вопреки поверхностному мнению о нем, никого не подавлял своим авторитетом, но всех заражал энтузиазмом», — писал современник. Блок ворчал: «Все под Гумилевым».

Он действительно ничего не боялся. Переплывал реку Уаби, кишащую крокодилами, ночевал в пустыне чуть ли не под открытым небом. После революции открыто крестился, завидев церковь. Известен случай, как он читал матросам Балтфлота: «Я бельгийский ему подарил пистолет / И портрет моего государя». Боялся экстравагантный, считавший себя глубоко верующим Гумилев только одного — дьяволопоклонников. Георгий Иванов вспоминал, как однажды Николай Степанович нашел у себя в почтовом ящике молитву утренней звезды. Другой бы не обратил внимания, увлекавшийся же некогда оккультизмом романтик сильно расстроился. А после и свой внезапный арест, и приговор связывал с проклятием Люцифера.

Любовь, край родной и весна

Пригожим и погожим весенним днем оживает не только природа. Солнечные лучи, щебет птиц, длинные синие тени на снегу вдохновляют русских художников. Хотя так было не всегда: по большому счету, они обратили внимание на природу лишь в XIX веке, когда в отечественном искусстве произошел перелом. Идеализированные, написанные под влиянием европейцев пейзажи уступили место настоящим, непосредственно переданным впечатлениям. В том числе радости от встречи с весной.

К. Юон. «Весенний солнечный день».
Фрагмент. 1910.

Великие реалисты

С. Жуковский. «Ранняя весна (Беседка в парке)». 1910

А. Венецианов. «На пашне. Весна». Сер. 1820-х

Ксения Воротынцева

НЕМАЛАЯ заслуга в этом принадлежит Алексею Венецианову. Не получивший фундаментального образования (сначала учился самостоятельно, затем — под руководством Владимира Боровиковского), он не осмелился обращаться к сложным историческим темам. Зато с удовольствием изображал жизнь вокруг себя и стал основателем «крестьянского жанра».

Так родилась одна из самых знаменитых картин «На пашне. Весна» (середина 1820-х). Она далека от бытописательства передвижников: босоногая сельская жительница напоминает греческую богиню, нарядившуюся в сарафан и кокошник. Но важнее другое: природа здесь выступает в качестве полноценного персонажа. И дело не только в том, что небо с облаками и вспаханное поле занимают большую часть холста. Присутствие весны обозначено и на символическом уровне. Тема плодородия выражается через образ героини и сидящего в правом углу ребенка.

После Венецианова художники всерьез обратились к подобным мо-

А. Пластов. «Весна». 1954

тивам лишь в 1870-е. Эти виды уже мало напоминали сельскую идиллию. Живописцев интересовала естественная красота, «неприглаженность» русского пейзажа. Хрестоматийная работа Алексея Саврасова «Грачи прилетели» (1871) и несколько выполненных им реплик (например, «Ранняя весна. Оттепель», 1880-е), а также полотно Федора Васильева «Оттепель» (1871) посвящены межсезонью — тому

моменту, когда зима уступает место следующему времени года. И если у Саврасова воздух чист и прозрачен, а снег искрится под лучами набирающего силу солнца, то картина Васильева поражает скупостью красок: серое небо, замерзшие деревья, слякоть. От полотна веет тоской и безнадежностью, и это не случайно: во время работы художник сильно простудился, вскоре у него открылся туберкулез.

Запечатлеть момент завершения одного природного цикла и наступления другого — непростая задача. Она вдохновляла многих, в том числе Исаака Левитана. Его ранняя картина «Солнечный день. Весна» (1876–1877) написана под влиянием Саврасова. Впрочем, самой известной является «Весна. Большая вода» (1897): уже исчез снежный покров, однако «натура» все еще дремлет.

Пограничному состоянию природы посвящено и другое произведение Левитана, гораздо менее известное, — «Весна. Последний снег» (1895). Оно было создано в усадьбе Горка Тверской губернии, принадлежавшей тайному советнику Ивану Турчанинову. С его женой Анной у Исаака Ильича случился головокружительный роман. Следы этого полотна со временем

Н. Рерих. «Снегурочка и Лель». 1921

Е. Зверьков. «Весенний паводок». Фрагмент. 1989

затерялись (сохранился лишь этюд в Русском музее).

На рубеже XIX–XX веков к теме обратились отечественные импрессионисты. В частности, ранее относившие себя к передвижникам Сергей Виноградов и Станислав Жуковский. Картины последнего выполнены словно по левитановским лекалам. «Пробуждение природы (Ранняя весна)» (1898), а также «Ранняя весна (Беседка в парке)» (1910) отсылают зрителей к «Марту» Исаака Ильича: яркое солнце, синее небо... Виноградов же не скупился на эмоции, изображал радостное состояние природы, когда земля уже практически избавилась от снега («Весна», 1911).

Художники первой трети XX века, увлекаясь внешней тематикой, порой игнорировали чистый пейзаж. Например, Константин Юон и Борис Кустодиев создавали забавные сценки из жизни провинциальных городов. Борис Михайлович на картине «Весна» (1927) изобразил залитую водой улицу, через которую перекинуты бревна. Две подружки, осторожно ступая, пытаются перейти на другую сторону, им протягивает руку случайный прохожий. Нежная зелень, легкие облака, фиолетовая дымка, сквозь нее пробивается солнце —

из этого складывается ощущение радости бытия.

Еще больше ликования в ююновском «Весеннем солнечном дне» (1910): разноцветные платки и юбки, яркие крыши домов и стены церквей создают мажорное настроение.

В советские годы весна не раз появлялась на полотнах именитых мастеров: Игоря Грабаря («Последний снег», 1931), Николая Ромадина («Весенний ручей», 1953), Алексея Грицай («Ледоход», 1976–1983), Ефрема Зверькова («Весенний паводок», 1989). Они использовали традиционный набор образов: тающий снег, ручьи, яркое солнце, чистое небо... Иногда писали ранние цветы — первых вестников весны, как, например, Алексей Грицай («Подснежники. Осинник», 1954). Или встречали наступление тепла в «каменных джунглях». Скажем, Владимир Петров на картине «Весенний день» (1959) изобразил улицу Гоголя в Ташкенте — светлую, цветущую.

А кто-то предпочитал символические обобщения. К примеру, у Аркадия Пластова весна предстает в образах молодой обнаженной женщины и девочки в платке, отсылающих к теме плодородия, обновления природы («Весна», 1954).

Безусловно, Пластов и Венецианов были не единственными, кто оперировал мифологическими представлениями. Эти мотивы особенно привлекали художников первой трети XX столетия, влюбленных в русскую старину.

Так, Михаил Нестеров перенес на холст персонажей пьесы Александра Островского «Снегурочка» — девушка в венке из полевых цветов и юноша, играющий на дудочке, — Лель («Весна-красна», 1922). Героиня, молодая и красивая, олицетворяет собой новый, нарождающийся мир. Что касается Леля, то он — фигура, скорее, спорная: исследователи считают его не славянским божеством, а литературным персонажем, придуманным в XVIII веке и получившим распространение столетием позже. Тем не менее, вместе со Снегурочкой он фигурирует еще и на картине Николая Рериха («Снегурочка и Лель», 1921).

Миф о вечном возвращении, легенды об умирающих и воскресающих богах и духах, особые обряды, призванные обеспечить хороший урожай, — все это, пусть неявно, присутствует в работах многих отечественных художников. Стремясь передать все краски и смыслы весны, они старались не отрываться от древних корней.

История одной песни

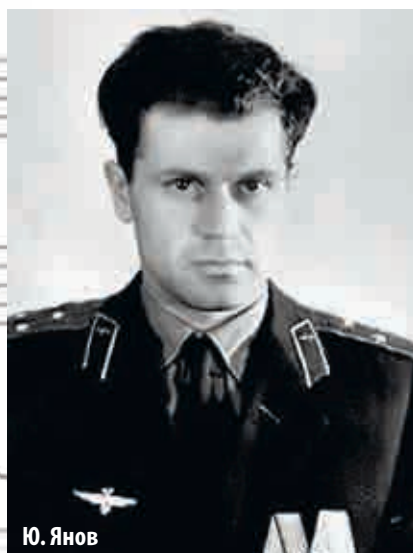
Р. Рождественский и О. Фельцман. 1973

А город подумал: ученья идут...

Денис Бочаров

50 лет назад, 6 апреля 1966 года, на окраине Берлина произошла трагедия, послужившая впоследствии основой для пронзительной песни. «Огромное небо» и сегодня на слуху, причем не только у наших соотечественников — переведенная на многие языки, эта композиция хорошо известна во всем мире.

ГОРОД, подумавший, что «ученья идут», был недалеко от истины. В тот злополучный день командир экипажа Борис Капустин и штурман Юрий Янов, летчики из подразделения, дислоцированного в восточногерманском городке Финов, получили приказ перегнать бомбардировщик Як-28 на другой аэродром. Когда шли над Берлином, у самолета отказали оба двигателя. Машина стала падать на жилые кварталы...

Ю. Янов

Б. Капустин

Трагедия оказалась сопряжена с невероятным стечением обстоятельств. Капустин и Янов могли выполнить задание еще утром, но из-за повисших над городом хмурых туч вылет несколько раз откладывался. Лишь в 15.30 в наушниках прозвучал голос диспетчера: «Взлет разрешаю!»

После отказа двигателей экипажу удалось отвести самолет за черту города. Летчики приняли решение посадить «Як» на видневшееся неподалеку поле, но таковым оказалось кладбище, где даже в среду по случаю предпасхальной недели было много народа.

На земле уже понимали, что ситуация близка к катастрофической: с аэродрома поступила команда катапультироваться, однако пилоты решили не покидать злосчастный бомбардировщик. Оставался последний призрачный шанс: посадить его на воду. Оказавшееся в поле зрения озеро Штёссензее как будто предоставляло возможность для экстренного (а точнее, экстремального) приводнения, но на пути возникли дамба и шоссе, заполненное автомобилями. Капустин неимоверным усилием сумел приподнять уже совершенно неуправляемый «Як», однако пролет над дамбой стал последним манев-

Обелиск в Эберсвальде-Финове

ром: самолет резко накренился и ушел в толстый слой ила на дне водоема...

Немецкие граждане не могли не оценить подвиг советских героев. Практически каждый город ГДР прислал свою делегацию для участия в траурной церемонии. А тогдашний бургомистр Западного Берлина (будущий канцлер ФРГ) Вилли Брандт отметил: «Они в решающие минуты сознавали опасность падения в густонаселенные районы и в согласовании с наземной службой наблюдения повернули самолет в сторону озера Штёссензее. Это означало отказ от собственного спасения. Я это говорю с благодарным признани-

ем жертве, предотвратившей катастрофу».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.05.1966 за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга, капитан Капустин Борис Владиславович и старший лейтенант Янов Юрий Николаевич были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Подвиг летчиков так потряс Роберта Рождественского, что он посвятил им стихотворение. Поэтическое произведение, вышедшее из-под пера уже довольно известного на тот момент автора, стало стенограммой последних секунд жизни героев.

*И надо бы прыгать —
не вышел полет,
Но рухнет на город
пустой самолет,
Пройдет, не оставив
живого следа,
И тысячи жизней,
и тысячи жизней,
И тысячи жизней
прервутся тогда...*

С предложением написать музыку на эти стихи Рождественский в 1967 году обратился к Оскару Фельцману. Вот как об этом вспоминал композитор: «Роберт рассказал мне о замысле новой песни. Толчком к ее созданию послужило подлинное жизненное событие. О нем писали в газетах, говорили по радио. Я знал об этом подвиге, но рассказ Рождественского воскресил его с новой силой. На следующий день нами была написана баллада «Огромное небо».

В 1968-м, на IX фестивале молодежи и студентов в Софии, песня завоевала три медали: серебряную — за музыку и две золотые — за стихи и исполнение. Кстати, версия Эдиты Пьехи до сих пор считается канонической, хотя после нее шедевр Фельцмана — Рождественского перепевали такие корифеи эстрады, как Марк Бернес, Муслим Магомаев и Эдуард Хиль.

Страна мастеров

ФОТО: ПАВЕЛ СМЕРТИН/ТАСС

Два века в дымке

Тамара Церетели, Киров

Руки, глина, печь — вот и весь секретный способ изготовления дымковской игрушки. Собственно, тайны из технологии никто и не делал — «Дымка» всегда была забавой исключительно народной. Да и сегодня остается самым известным глиняным художественным промыслом.

«У НАС тут столько народу бывает, в месяц по 30–40 экскурсий провожу», — рассказывает Мария, сотрудница организации с очень длинным названием — Кировского городского отделения ВТОО «Союз художников России — Народный художественный промысел «Дымковская игрушка». Именно здесь производят знаменитые на весь мир глиняные поделки. Что характерно, на их «исторической родине», в слободе Дымково — заречной части бывшей Вятки, а ныне Кирова — этим ремеслом уже никто не занимается. Теперь тут в основном дачные коттеджи, что красуются среди старых покосившихся избышек. Весной и те, и другие становятся «водоплавающими» — Дымково находится в зоне затопления, из-за чего получило прозвище «вятская Венеция».

Благодаря паводкам возник и промысел — на заливных лугах глина преет, становится тягучей. Здесь добывали материал для игрушек, причем у каждой семьи была своя яма. Ее закрывали досками и подписывали — для забывчивых. Сегодня глину привозят из другого района. «Иначе в этом месте был бы каньон», — то ли шутя, то ли серьезно говорят в Кирове.

Дымковская игрушка настолько неотделима от народного сознания, что, кажется, существовала здесь издревле. Или, по крайней мере, очень долго. Ей даже приписывают четы-

рехсотлетнюю историю. Хотя первое упоминание о «несерьезном» занятии жителей слободы встречается лишь в начале XIX века, а старейшие образцы, хранящиеся в местном музее, и вовсе датируются концом позапрошлого столетия. Повод для возникновения промысла, на первый взгляд, тоже несерьезный — сугубо вятский праздник Свистопляска, или Свистунья. Там горожане веселились до упаду, плясали и обязательно свистели. Народная молва связывала всеобщее веселье с...поминовением убитых на хлыновском побоище (Хлынов — старое название Вятки). В Кирове каждый встречный расскажет вам легенду: якобы в 1412 году вятчане приняли спешивших им на выручку устюжан за татар. Ночью в Раздерихинском овраге, существующем и поныне, «свой своя не познаша и побиша». Впоследствии каждый год в память о той трагической ошибке устраивали Свистопляску — служили молебен на месте битвы, а потом гуляли.

Надо сказать, историки сильно сомневаются в достоверности побоища, а этнографы ставят под вопрос изложенную теорию возникновения праздника. Более вероятной кажется версия, по которой Свистунья — наследница дохристианского обычая поминовения умерших. В конце концов, свист в народной традиции ассоциировался с потусторонним миром и покойниками.

Как бы то ни было, вятское гулянье сопровождалось ярмаркой, где торговали свистульками, и каждый богомолец считал своим долгом купить игрушку. Свистульки в основном делали из глины и привозили из слободы, находившейся через реку. Постепенно культовая составляющая празднеств отходила на второй план, освобождая место под сплошную ярмарку. Дымковчане от этого остались только в выигрыше.

Безоблачное существование свистулек и прочих глиняных поделок кончилось в начале XX века: на

Под натиском древнеегипетских и античных небожителей отечественные медведи, утки, козлики в штанишках, трехголовые — аки Змей Горыныч — лошади, коренастые мужички и розовощекие барыни под дружный свист стали готовиться к собственной загробной жизни. Единственной, кто удерживал их на этом свете, была Анна Мезрина, последняя мастерица, занимавшаяся старинным ремес-

горизонте появился грозный конкурент — гипсовая игрушка, подражавшая модным фарфоровым статуэткам. Новоявленные безделушки отливались по форме, а не вручную, стоили в разы дешевле своих архаичных предшественниц и не оставляли им никаких шансов на выживание. Изготавливались они все теми же дымковскими мастерами, вернее, мастерицами — игрушечный промысел здесь был прерогативой женщин. Наследие того времени можно увидеть в краеведческом музее — например, гипсовую богиню Исиду... Дело в том, что дымковчанки стали специализироваться на копировании образцов, купленных на всевозможных выставках и ярмарках.

ФОТОГРАФИИ: РИА НОВОСТИ

лом. Если б не она, «Дымка» канула бы в Лету. Спасти ее помог вятский художник Алексей Деньшин, заинтересовавшийся работой Мезриной. В 1917 году он издал альбом с зарисовками дымковских игрушек. Потом еще один, и еще... В общем, о промысле узнали. К хранительнице традиции начали приезжать искусствоведы, коллекционеры. Глядя на успех соседки, к исконному занятию вернулись и другие труженицы. В 1933 году они с Мезриной вошли в артель «Вятская игрушка», которая 15 лет спустя станет мастерской Художественного фонда РСФСР.

Кстати, игрушку выпускали и во время Великой Отечественной. А уж по ее окончании от заказов не было отбоя. Зато обнаружилась острая нехватка мастериц. Начали учениц набирать. К середине 50-х поняли, что одними дымковчанками не обойтись и стали принимать воспитанниц со стороны. Промысел из наследственного превратился в профессиональный, хотя династии художниц никто не отменял. Да и традиция передавать знания по женской линии никуда не делась — исторически сложилось так,

что мужчины в ремесле не приживались. «Приходил один в ученики в прошлом году, но конкурс не прошел — таланта не оказалось. Опять только девушек взяли», — как будто оправдываются на предприятии. В Вятском художественном музее находятся две дымковские игрушки, сделанные мужскими руками. Больше подобных экспонатов история не сохранила.

В спокойные советские годы в промысле работало около 80 мастериц. Лепили игрушки, отправляли на обжиг, белили, раскрашивали, наносили поталь — имитацию золота: технология здесь столетиями не меняется, разве что русские печи заменили на электрические. Размеренный ритм жизни разнообразили выставки, путевки, а иногда и новые квартиры. В СССР с трепетом относились к народным художественным промыслам. К тому же львиная доля продукции шла за границу, принося стране валюту.

С крушением Союза, как водится, рухнул и привычный мир — «Дымка» второй раз за свою историю оказалась на пороге растерянности. «Мастерицы привыкли приходить на работу, лепить и получать зарплату, а как продавать, понятия не имели, — рассказывает Надежда Менчикова, председатель правления «Дымковской игрушки». — А тут полный склад изделий, забито до потолка. Торговать никто не умеет. Начались челночные поездки: брали продукцию, складывали в коробки и отправлялись в Моск-

ву сдавать в магазины — на любых условиях, лишь бы сбыть. Где-то их обманывали, конечно. Но постепенно поняли торговую систему».

Правда, коммерческой организацией так и не стали, предпочли остаться в рамках Союза художников. Зато, пока со всем этим разбирались, накопили долгов по налогам. Сегодня на предприятии трудятся 18 работниц. А сколько надомниц в Кирове, не считал никто. Одни ушли отсюда еще в 90-е, другие — уже в 2000-е, происхождение третьих неизвестно. «Уровень промысла в городе упал безобразно, полно самодеятельности, — кипит председатель, говоря о частниках. — Кто откуда выплыл, непонятно. Из какой глины лепят, неясно. Где обжигают, при какой температуре, не разберешь. Самое ужасное — когда что-то ломается, все идут к нам с претензиями: «Мы вот в подворотне дымковскую игрушку купили, а она развалилась!»

При этом «Дымка» от отсутствия клиентов не страдает. «Сегодня проблема VIP-подарков в стране — сумасшедшая. У людей наверху уже все есть. Им нужно что-нибудь эдакое, — рассуждает Менчикова. — У нас очередь стоит за игрушкой. Трудность не в недостатке заказов, а в нехватке кадров. Хотя мы уже несколько лет как возобновили набор учениц. Но чтобы мастера вырастить, требуется время. Это же не просто — дал кусок глины в руки и показал, как птичку лепить. Нужно передать традицию».

ФОТОГРАФИИ: РИА НОВОСТИ

В гостях у Тропинина

Этот дом в Щетининском переулке — одна из лучших визитных карточек Москвы. Не как мегаполиса и столицы, а как старого доброго русского города с его культурно-исторической спецификой, милыми сердцу каждого черточками. И официальное название у здания соответствующее — Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени. И то, что его непосредственно курируют городские власти, регулярно проводящие с музеем совместные мероприятия, отнюдь не случайно.

Ольга Марьяновская

30 МАРТА исполнилось 240 лет со дня рождения Василия Тропинина. Судьба его удивительна, хотя и не богата как будто особо яркими событиями. Благодаря таланту, трудолюбию и неизбывному стремлению к самосовершенствованию крепостной художник добился свободы и славы одного из лучших отечественных портретистов. Произведения мастера можно увидеть в крупнейших собраниях шедевров живописи. Есть они, разумеется, и в том музее, который носит его имя. В тихом Замоскворечье расположено это уникальное местечко — заповедный уголок, сохранивший атмосферу старой Москвы. Создание музея — прежде всего результат подвижнического труда коллекционера Феликса Вишневого.

Тропинин родился в Новгородской губернии. Получил начальное образование в народной школе. В раннем возрасте проявились творческие способности Василия, но барин, граф Ираклий Морков, отправил его в Санкт-Петербург учиться на кондитера. Настоящий талант всегда пробьет себе дорогу. Так случилось и с молодым Тропининым: хозяин все же согласился определить его вольнослушателем в Академию художеств, где тот проучился шесть лет. Начав учебу много позже своих товарищей, он добился тем не менее заметных успехов. На академической выставке его работа привлекла внимание самой императрицы Елизаветы Алексеевны. Но этот, казалось бы, счастливый случай привел к тому, что граф, опасаясь потерять своего человека, забрал его из Академии и отправил в другое имение — в деревню Кукавку на Подольщине. Тропинин вновь оказался на положении крепостного.

Ф. Вишевский

Ему приходилось выполнять самую разную работу: прислуживать барину, расписывать сундуки, кареты, давать уроки рисования барским отпрыскам, писать портреты семьи Морковых и их соседей. Художник участвовал в постройке церкви в Кукавке, его кисти принадлежат все иконы в этом храме. Несмотря на трудности, он не унывал, постоянно трудился, писал портреты простых крестьян, украинских девушек в национальных одеждах, детей. В этих произведениях Василий Андреевич еще не достиг вершин своего мастерства, и в то же время они очень обаятельны, колоритны.

После войны 1812 года жил в Москве, был занят восстановлением сгоревшего во время пожара барского дома, украшением его интерьеров. К счастью, помещик не был против того, чтобы Тропинин выполнял портреты на заказ. Постепенно он приобрел большую известность. Влиятельные знакомые, покоренные талантом художника, хлопотали о его освобождении. Долгое время Морков не соглашался

и, наконец, в мае 1823 года, на Пасху, все же подарил ему вольную. Жена и единственный сын Василия Андреевича еще несколько лет оставались крепостными. Получив долгожданную свободу, он не захотел поступать на государственную службу (в Академию художеств или Архитектурное училище). Дороже всего ему была независимость, возможность всецело посвятить себя любимому искусству. Тропинин поселился в спокойной, патриархальной Москве, снял квартиру с мастерской в доме «близ Каменного моста на Ленивке» и прожил там более тридцати лет. В память об этом на доме № 9 на углу Волхонки и Ленивки установлена мемориальная доска.

В 1824 году он получил звание академика портретной живописи. Успех и высокий социальный статус принесли портреты, а также жанрово-портретные полотна с изображением молодых женщин «Кружевница» и «Золотошвейка». Позднее серию дополнила картина «За прошивками». Эти работы были очень популярны, автор многократно писал их повторения.

В 1830–1840 годах он завоевал славу лучшего московского портретиста. Его заказчиками стали первые лица города, чиновники, дворяне, купцы, деятели искусств. В 1827 году, когда Пушкин, вернувшийся из ссылки, жил в Москве, мастер создал знаменитый портрет поэта в халате. Также рисовал историка Николая Карамзина, актера Василия Каратыгина, писателя и драматурга Александра Сухово-Кобылина, графиню Евдокию Ростопчину — поэтессу, переводчицу, и других известных современников. Художник жил исключительно творчеством, брал много заказов. В декабре 1835-го в Москву, проездом

ФОТО: АРТЕМ КОРОТЯКОВ/ТАСС

Музей В.А. Тропинина
и московских художников его времени

из Италии, прибыл Карл Брюллов. Познакомившись с Тропининым, был восхищен его способностями и согласился позировать для портрета. Разглядев не только художественный талант коллеги, но и его человеческие качества, впоследствии писал ему из Петербурга: «Я никого не умел так скоро оценить, кроме вас; ваши душевные способности и редкие достоинства — истинные блага на земле — честь и любовь, и как они редки!»

Василий Андреевич действительно был человеком замечательных душевных свойств, с мягким, доброжелательным характером. Наверное, именно это помогло ему преодолевать многие трудности на жизненном пути, ладить с самыми разными людьми, понимать суть и лучшие черты каждого. Мастер очень ответственно относился к своему труду, никогда не изменял тонкому художественному вкусу в угоду требованиям заказчиков. На склоне лет Тропинин был избран почетным членом Московского

художественного общества, участвовал в создании рисовального класса при нем. Он не стал там преподавать, но приходил на занятия, помогал ученикам советами. Те искренне уважали мэтра, его судьба служила примером для начинающих, показывала, что человек может добиться всего благодаря таланту, настойчивости и трудолюбию. Для Общества был создан автопортрет — с палитрой и кистями в руках, на фоне окна с видом на Кремль, — сохранивший для потомков образ пожилого мастера, исполненного чувства собственного достоинства. Ныне эта работа украшает собрание Музея В.А. Тропинина и московских художников его времени.

Василий Андреевич прожил долгую творческую жизнь, непрерывно работал до последних дней и мирно скончался в мае 1857 года в своем доме в Замоскворечье.

Этот дом, увы, не сохранился. Но поблизости, в Щетининском переулке, теперь находится уникальный

музей, впервые открытый в 1971 году. Его создатель Феликс Вишневский всю жизнь собирал произведения живописи, графики и декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX столетий и оставил их в дар Москве.

В четырех залах небольшого особняка XIX века поместилась коллекция, которую в свое время завещал Вишневскому его друг, потомок просвещенного купеческого рода, исследователь Арктики, профессор Николай Петухов. Вишневский был простым советским служащим, но обладал редким чутьем и пониманием в сфере искусств. Умел находить подлинные шедевры как в антикварных магазинах, так и в самых, казалось бы, неподходящих для этого местах, зачастую спасал бесценные вещи от уничтожения.

Помимо картин Тропинина коллекция музея включает в себя произведения портретного жанра русских мастеров второй половины XVIII и первой половины XIX

«ЗОЛОТОШВЕЙКА», 1826

«ПОРТРЕТ СЫНА ХУДОЖНИКА», ОК. 1818

портреты, миниатюры и пейзажи того времени. Антикварная мебель и образцы декоративно-прикладного искусства усиливают чувство погружения в эпоху.

Этот рассказ дополнит директор Музея В.А. Тропинина и московских художников его времени.

Игорь Корнилов:

— Я называю наш музей Домом Тропинина. И хотя сам мастер в

«КРУЖЕВНИЦА», 1823

веков: Ивана Вишнякова, Ивана Аргунова, Алексея Антропова, Федора Рокотова, Дмитрия Левицкого, Владимира Боровиковского, Сильвестра Щедрина, Степана Щукина, Ореста Кипренского, полотна иностранных художников, творивших в Москве. Представлены здесь также акварельные и графические

«ДЕВУШКА С ГОРШКОМ РОЗ», 1850

нем никогда не жил, тут ныне обитают его картины. Замоскворечье — один из заповедных районов столицы. Стараемся сохранить здесь дух старой, гостеприимной, патриархальной Москвы. Особняк много лет принадлежал одной семье. В нем находился салон Петуховых, где собиралась интеллигенция, бывали Виктор Борисов-Мусатов и другие художники, играл на рояле Александр Скрябин. Главное для нас — сберечь камерность, домашнюю теплоту музея. С учетом этого и проводим все наши мероприятия. К примеру, зимняя выставка «Рождество в Тропининском доме» была разделена на несколько тематических зон. В одном зале проводился сам праздник. Во втором воссоздали обстановку XIX века: семейные портреты, уголок детской комнаты с игрушками, праздничной одеждой, предоставленной Музеем моды. В залах стояли елки, самая привлекательная из них была украшена копиями старинных игрушек. Создавалось полное ощущение того, что мы находимся в гостях у давних, хороших знакомых.

Для поддержания подобной атмосферы запустили еще два проекта. Первый называется «Москва гостеприимная». Его смысл в том, чтобы молодежи из других российских регионов показать старую Москву, ее традиции, уклад, богатство творческой жизни. В ответ представители различных национальных общин рассказывают о своих народах, обычаях, культурных особенностях. Недавно встречались с кумыками с Северного Кавказа и удмуртами. Слушали этнические песни, смотрели зажигательные кавказские танцы, дегустировали национальные блюда, водили совместные хороводы во дворе. У нас очаровательный, «атмосферный» дворик, оформленный в соответствии со вкусами москвичей конца XIX века. Летом здесь проводятся концерты, для которых мы соорудили специальный шатер в дачном стиле. Планируются вечера совместно с бурятской, армянской и другими общинами. Мы приглашаем всех на наши встречи.

Второй проект под названием «Посольский квартал» ориентирован примерно на то же самое. В Замоскворечье находятся миссии разных стран. Поэтому возникла идея приглашать к нам сотрудников посольств, знакомить их с нашими традициями и приобщаться к их культуре. Совсем недавно у нас проходила выставка «Сны об Италии». Василий Тропинин мечтал побывать на Апеннинах, но ему не удалось. И все же в его зарисовках немало итальянских образов. Эта страна всегда была привлекательна для русских художников, писателей, музыкантов. В посольстве Италии организуем однодневную выставку итальянских художников из наших фондов. Наш девиз: «Музеи могут быть разными, но только не скучными!»

Главное — не инновационные ухищрения, а экспонаты. Ставим задачу возродить у современных людей утраченную способность созерцать. Еще один новый

проект «Мой первый музей» — для самых маленьких. Родители могут неосознанно отвратить ребенка от музеев. Приводят кроху в этаким лабиринт с огромными залами, невероятным количеством экспонатов и толпами людей, где тот чувствует себя маленькой песчинкой, устает, начинает испытывать невыносимую скуку. Музей Тропинина идеален для посещения с детьми. Предусматриваем сейчас специальные зоны для отдыха малышей, возможность выйти во двор, попить чаю или воды. Думаем, как устроить, чтобы ребенок в зале мог присесть или даже прилечь на живот и что-то собственноручно нарисовать. Важно, чтобы маленькому человечку было комфортно, чтобы музей его притягивал, заставлял сопереживать, восхищаться. Но не устывать. Профессиональный художник ведет у нас мастер-классы для детей и их родителей.

Стремимся быть культурным центром Замоскворечья. Планируем цикл популярных лекций по истории искусств, организуем пешеходные экскурсии по храмам и особнякам района. Активно участвуем в проектах департамента культуры столицы, включая общегородские: «Ночь в музее», «Ночь искусств», Московский культурный форум. За ночь мы принимаем до 700 человек. Для такого маленького музея, как наш, где экскурсионные группы составляют максимум 15 человек, это непросто.

У нас не выламывали дверь, как на выставке Валентина Серова в Третьяковке. Однако дверную ручку за последние зимние каникулы нам пришлось менять три раза! Изменили график работы для удобства зрителей. В некоторые дни работаем до 20.00 и до 21.00, в том числе и в субботу. А иногда, с учетом потребностей школьных экскурсий, открываемся с раннего утра. 26 дней в году у нас бесплатное посещение. Сотрудничаем с московскими и федеральными музеями, часто меняем выставки. Наши фонды насчитывают около 3000 экспонатов. Не так давно площадь музея расширилась за счет присоединения двух залов соседнего дома. Храним благодарную память о людях, создавших этот музей, о тех, кто трудился над его сохранением и обновлением.

Трапезная

Творог

ОТ СЛОВА «ТВОРИТЬ»

ФОТО: PHOTOPRESS

Максим Сырников

УРУССКИХ людей есть замечательное слово, означающее последнюю степень готовности простокваши или сметаны. Говорят: молоко или сливки полностью сселись.

В словаре Владимира Даля «ссесть» значит створожиться, свернуться, скипеться. А еще упоминается ссед, сседок — осадок или створожившаяся часть жижи. Именно ссед мы с вами отбираем при приготовлении домашнего творога. Кстати, в Костромской губернии простоквашу на творог раньше называли (а кое-где и сейчас называют) сседышем.

Устой молока на сметану — это ссело или ссяло. Даль приводит вот такой пример народного говора, от лица хозяйки: «Три кринки поставила на ссяло, чтобы сселося молоко, на сметану».

А вот еще одно слово, позабытое, но красивое — из «Опыта областного великорусского словаря» середины XIX века: «каднее молоко». Знаете, что это такое? Самый обыкновенный творог.

Имея под рукой пару-тройку литров хорошего домашнего или фермерского молока, нетрудно приготовить 500–700 граммов отличного творога.

Домашний творог

◆• Берем трехлитровую банку молока. Ставим в теплое место, заквасив хорошей сметаной, разболтав прямо в банке пару ложек. Хотя можно и не заквашивать вовсе.

◆• Через сутки-двое молоко окончательно скиснет, сыворотка проявится прозрачными желтоватыми пузырьками.

◆• Лучше всего отвешивать творог в мешочке из ткани. Или же попросту взять конусовидный дуршлаг и поставить его в большую кастрюлю.

◆• Следует уложить в дуршлаг слой марли, влить туда нашу простоквашу и вынести все это на холодок. На ночь, например. Через десять — двенадцать часов избыток сыворотки отцедится в кастрюлю, а в марле останется нежный, свежий творожок. Делается это без всякого нагревания и прочих ухищрений.

ФОТО: PHOTOPRESS

ТРАПЕЗНАЯ

Своя

АПРЕЛЬ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки